

ISSN 0131—5994

12'92
ДЕКАБРЬ
РОВЕСНИК

ВНОМЕРЕ:

ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОЩАЙ» МЕРИЛИН	4
Ларри Коллинз. ПОХИТИТЕЛИ МЫСЛЕЙ	6
«КУПЦЫ», «КАЗАКИ», «РУССКИЕ ДУШИ» И ДРУГИЕ	9
20 ФАКТОВ О	10
Элисон Белл. ЕЩЕ ОДИН ПУТЬ К СЕБЕ	11
Питер Хилмор. ИНДИЯ: ПЛАТА ЗА КРОВЬ	12
Бо Хьюстон. Я ЖДУ	14
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	17
Сергей Кастальский. СУМЕРКИ БОГА	19
Элизабет Карлсберг. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ	20
ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...	22
Наташа Татю. ВОЛШЕБНЫЙ МИР	24
Стефан Цвейг. СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ	26
А ЕСТЬ ЛИ ДЕД МОРОЗ?	29
П. Вагина. ЛИМОНАДНЫЙ ДОЛЬФ	31
ВИДЕОКЛУБ	31

На первой странице обложки: звезда рэпа Эм Си Хэммер.

РОВЕСНИК 12'92

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллектив редакции
АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 30. 10. 92. Подписано в печ. 15.11.92. Формат 84 x 108 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная, № 1. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-нр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Зак. 2118

Ордена Трудового Красного Знамени акционерное общество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ШОПИНГ-ТУРИЗМ ПО-ЕГИПЕТСКИ. Хождения за три моря под вполне благовидными и даже благородными предложениями, дабы купить чего побольше да подешевле — занятие не только граждан СНГ. Эта добропорядочная матрона, совершившая религиозно-торговое паломничество в Мекку, которая, как известно, расположена на территории богатейшей Саудовской Аравии, возвращается домой с просветленной душой и с...

ВЫ СПРАШИВАЛИ, КАК ДЕЛА У ДИ СНАЙДЕРА...

Хотя его новая группа «Десперадо» и не добилась успеха, наш старый и добрый герой все же пока не приступил к сколачиванию клеток для кроликов (как, помните, он обещал в «Курсе выживания для подростков»). Нет, Снайдер верен себе: он сколотил новую группу «Widowmaker», т.е. «Создатель вдов». Трепещите, мужья: Ди Снайдер снова на сцене!

...что говорят... что пишут... ... что говорят... что пишут...

ПРОБЛЕМ У ЯПОНСКОГО ПАРЛАМЕНТА ХВАТАЕТ, но недавно ему пришлось обсуждать вопрос, который, казалось бы, никак уж парламентским не назовешь: положение дел в национальной борьбе сумо. Более того, ситуация потребовала даже выступления премьер-министра.

Один из претендентов на титул абсолютного чемпиона Конишики по решению арбитров не был допущен к финальным соревнованиям — как считает Конишики, потому что он не японец. Он уроженец Гавайских островов, настоящее его имя Салеваа Атисаное, в чем Конишики и увидел корень всех своих проблем. «Это — расовая дискриминация», — объявил Атисаное-Конишики. Парламент и премьер-министр Японии отвергли обвинения, а «старейшины» вызвали Конишики на ковер, где он со слезами на глазах поклялся больше не бросаться словами, а «бороться, бороться и еще раз бороться».

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА. Конечно, не каждый может стать президентом Франции и не каждый может петь, как Барбра Стрейзанд, но отрастить себе нос «с характером» вполне возможно: оказывается, даже к 30-ти годам он еще не приобретает окончательной формы — с этого возраста и до конца жизни нос человеческий вырастает на 15 процентов. Естественно, возникает вопрос: а какова средняя продолжительность жизни с точки зрения носа? Последователи йоги считают, что жизнь измеряется не прожитыми годами, а количеством вдохов. Так вот, если в среднем в минуту человек совершает 15 вдохов, то жизнь, как утверждают эти последователи, состоит из 946 миллионов и 80 тысяч их, что означает 120 лет.

Но только к трем-четырем годам жизни человек начинает отличать приятные запахи от неприятных. Всего же ученые насчитывают 400 тысяч различных запахов, и лишь пять из них всем человечеством признаются приятными. Так что «с точки зрения носа» жизнь столь же сложна, как и с любой иной.

«А ТЕПЕРЬ, ДЕТКИ, ЗАБУДЬТЕ ВСЕ, ЧЕМУ ВАС УЧИЛИ — УЧИМ ИСТОРИЮ ПО-НОВОМУ!» Думаете, только для нас характерна эта фраза? Мексика — тоже страна с непредсказуемым прошлым. Нынешний президент Карлос Салинас приказал переписать учебники истории и сделать новых героев: прежде учили, что главный национальный герой — революционер Панчо Вилья, теперь — диктатор XIX века Порфирио Диас. Вот ребята с родителями и вышли на демонстрацию. А ослы — это послушные воле очередного президента авторы учебников...

СОВСЕМ, КАК НАСТОЯЩИЕ...

Производители игрушечных водяных пистолетиков завели опасную моду: делать игрушки, максимально приближенные по виду к настоящему оружию. Недавно один пятнадцатилетний житель Нью-Йорка решил «стрельнуть» водичкой в прохожего, а прохожий, не дожидаясь, пока в него попадет то ли безобидная струя, то ли пуля, выхватил свой вполне реальный пистолет и... Так что, родители, помните: оружие, даже игрушечное, безобидным быть не может.

...что говорят... что пишут... ... что говорят... что пишут...

■ Думаю,
Бог наделил
меня слишком
богатым
воображением,
чтобы я стала
просто
домохозяйкой

подходят со словами: «Погодите, я только скажу своей жене». Я меняю весь их день.

По утрам мусорщик, работающий на 67-й улице, улыбается: «Мерилин, привет! Как ты себя чувствуешь сегодня?» Для меня это честь, и я люблю всех этих людей. Рабочие люди. Я прохожу мимо, и они начинают насвистывать: «О, вот это девушка! У нее светлые волосы и неплохая фигура. Черт побери, да это же Мерилин Монро!» Приятно, когда тебя узнают, когда понимаешь, что значишь что-то для этих людей.

Не знаю почему, но мне кажется, они знают, что я искренна во всем, что делаю,— играю ли в кино или улыбаюсь им на улице. И люди думают: «Вот это да! Она мне улыбнулась!»

Однако реакция не всегда бывает нормальной. Слава рождает зависть. Некоторые думают: «Ну, и кто она такая, эта Мерилин Монро?» Они полагают, что моя известность дает им привилегию подойти ко мне и сказать все что заблагорассудится. Когда я захотела купить вот этот самый дом, мужчина, открывший дверь, был необычайно радушен и приветлив: «Минутку! Я хочу познакомить вас со своей женой»,— сказал он. А она обратилась ко мне с такими словами: «Не будете ли вы столь любезны выйти вон?»

Или возьмем, например, некоторых актеров или режиссеров. Они никогда не оскорбляют тебя прямо в лицо, предпочитают делать это через прессу, потому что это более крупная игра: весь мир ста-

ПОСЛЕДНЕЕ "ПРОЩАЙ" МЕРИЛИН

Летом 1962 года жизнь и карьера Мерилин Монро находились в полном беспорядке. После того как она пропустила 12 из 32 съемочных дней к фильму «Что-нибудь да воздастся», кинокомпания 20th Century Fox расторгла с ней контракт. Поползли слухи, будто Мерилин злоупотребляет стимуляторами и снотворными таблетками. В Голливуде склонялись к мнению, что она пребывает в глубочайшем кризисе и просто не в состоянии работать.

Однако все внимание американской публики по-прежнему было приковано к Монро. В то время помощник редактора журнала «Лайф» Ричард Меримэн готовил серию очерков на тему «Испытание славой: ее влияние на человека и на жизнь». Естественно, первым номером в списке кандидатов на интервью была Мерилин. «Монро устроила мне своеобразный тест, опоздав на встречу на час, и я, очевидно, его прошел, так как Мерилин согласилась сотрудничать»,— вспоминает Меримэн.

Интервью проводилось в новом доме Монро, в лос-анджелесском районе Брентвуд. «Я прибыл туда с магнитофоном,— говорит Меримэн,— надеясь потом откорректировать текст. Но в резуль-

тате решил ничего не менять и убрать собственный голос, дабы получился монолог. Ее мысли были настолько четкими и завершенными, что сразу ложилась на страницы журнала... Мерилин была намного умнее, чем о ней привыкли думать».

Монро говорит о наградах и бремени славы, о своей роли секс-символа, о детстве, проведенном в чужих домах, и о многом другом. А 5 августа 1962 года, через неделю после того, как состоялось это интервью, она умерла от сверхдозы снотворного. «Я был в шоке,— вспоминает Меримэн.— Да, я видел ее гнев, ее попытки защитить себя, но не заметил ни намека на отчаяние, желание покончить с собой».

Этот искренний и красноречивый монолог по воле случая стал ее завещанием.

Иногда, надев пальто и шарф и даже не накрившись, я иду прогуляться по магазинам и посмотреть, чем живут люди. Однако вскоре, как вы понимаете, появляется несколько подростков, они столбенеют на минутку, а потом отправляются за мной по пятам. Но я не возражаю. Я понимаю, людям хочется увидеть, какая ты есть на самом деле. Подростки, дети — их глаза загораются, им не терпится рассказать о том, кого они видели, своим друзьям. Пожилые люди

новятся в курсе происходящего. Я не понимаю, почему люди не могут терпимее относиться друг к другу. Мне бы очень не хотелось на этом останавливаться, но, боюсь, многое в кинобизнесе происходит из-за зависти. И единственное, что я могу сделать,— это сказать себе: «Со мной-то все в порядке. Но на их счет я не уверена».

Как-то один актер заметил, что целоваться со мной — все равно, что целоваться с Гитлером. Я думаю, это его личная проблема. Если я играю интимную сцену с человеком, питающим ко мне такие чувства, я просто включаю фантазию. Иными словами, я не с ним, я — с собственным воображением.

Вообще чем шире и образованней люди, тем легче с ними контактировать. У них нет постоянного желания уколоть тебя. Когда я даже случайно встречаюсь с поэтом Карлом Сэндбергом, он всегда рад. Ему интересно узнать, как мои дела, и мне интересны его дела. Или простые люди. Мне хочется рассказывать им о том, что не связано с их повседневной жизнью, пусть даже это будет красивой сказкой. Всегда приятно быть героиней фантазий.

Я не считаю себя товаром потребления, но уверена, что многие так ко мне и относятся. Если я кажусь докучливой, касаясь этой темы, то просто потому, что не

могу не говорить об этом. Мне казалось, что у меня есть несколько замечательных друзей, но, Господи, они беседовали обо мне с прессой, со своими друзьями, рассказывали небылицы. Знаете, это очень обидно. И такие «друзья» не те люди, которых хочешь видеть каждый день.

Конечно, все зависит от людей. Но иногда, когда меня приглашают на какой-нибудь обед, я чувствую себя украшением стола или наемным тапером.

Когда мне было пять лет — а именно тогда я захотела стать актрисой, — я обожала играть. Мне не нравился окружающий меня мрачный мир, и я играла, создавая вокруг себя невидимые границы. Ты можешь придумывать собственные ситуации, ты можешь притворяться, и даже если другие дети оказались слабы по части воображения, ты можешь сказать им: «Эй, а что если вы те-то и те-то, а я то-то и то-то? Не развлечься ли нам?» Они говорили: «О да!» А я продолжала: «Отлично, тогда это будет лошадь, а это...» Это была настоящая игра. И я всегда хотела играть. Однако, когда ты вырастаешь и начинаешь познавать подлинное искусство, то оказывается, что люди от него делают этот процесс познания максимально трудным.

Некоторые из семей, в которых я росла, посылали меня в кино, чтобы на время от меня избавиться. Я сидела в кинотеатре совершенно одна, маленькая девочка перед большим экраном, и я любила эти часы. Я не пропускала ни одного кадра и, между прочим, даже не жевала поп-корн.

В одиннадцать лет я поняла, что мир, прежде закрытый для меня, начал приоткрывать свои створки. До этого даже девочки не обращали на меня внимания, отмахивались от меня. До школы было две с половиной мили, столько же обратно. Я преодолевала это расстояние каждый день пешком — удовольствие сомнительное. Но пока я шла, проезжающие мимо автомобили сигналили мне, люди, спешащие на работу, махали мне руками. Мир становился дружелюбнее.

Семьи, в которых я жила, очень беспокоились из-за моего слишком громкого смеха, принимали его за истерику. А я помню это чувство свободы, когда, взяв у постоянно болтавшихся у моего дома мальчишек велосипед, я гоняла, как сумасшедшая по всему кварталу, хохоча ветру в лицо. Ребята стояли и ждали, пока я вернусь. Но я не торопилась, я любила ветер. Он ласкал меня.

Когда мир открывается навстречу тебе, это и хорошо, и плохо. Оказывается, люди не просто становятся дружелюбными, они делают супердружелюбными, ожидая от тебя ужасно многого в ответ на каждый пустяк.

Единственное, что придавало мне сил в то время, — это желание быть актрисой. Думаю, Бог наделил меня слишком богатым воображением, чтобы я стала просто домохозяйкой. Конечно, человек должен что-то есть. Я видела голод и знаю, что это такое. Поэтому я всегда заботилась о себе сама, я никогда ни от кого не

зависела материально. И я горжусь тем, что всю жизнь отстаиваю свои позиции. А посему, если уж Лос-Анджелес — мой дом, то когда кто-то говорил мне: «Уберишься домой!», я отвечала: «Я дома».

Впервые я начала осознавать, что знаменита, когда однажды увидела афишу с моим именем, горящим огнями. Остановив машину, я подумала: «Господи, это чья-то ошибка». Все было так странно. В студии мне твердили: «Запомни, ты еще не звезда». Но почему ж тогда эта сверкающая надпись?

Мысль о том, что я должна быть звездой, мне подали журналисты. Я подчеркиваю: журналисты, а не журналистки. Они были дружески ко мне настроены, им-то я ничем не досадила, и твердили: «Вы — единственная звезда». — «Звезда?» — удивлялась я. А они удивлялись в ответ. Да, вероятно, именно они, сами того не желая, привили мне чувство того, что я знаменита.

Помню, после съемок в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок» Джейн Рассел, которая в отличие от меня играла там брюнетку, получила 200 тысяч долларов. Я же довольствовалась 500 в неделю, весьма для меня существенными тогда. Джейн отлично ко мне относилась, и единственное, что меня огорчало, — это отсутствие собственной гримерной. В то время я уже почувствовала, что достигла определенного уровня, и любила повторять: «Прежде всего я блондинка, а джентльмены предпочитают блондинок». А они не уставали гнуть свое по поводу того, что я еще не звезда, и я отвечала: «Ну, звезда я или не

звезда, не знаю. Но то, что блондинка — в этом я уверена».

И все же, если я и звезда, то не киношники и не продюсеры сделали меня ею, а обыкновенные люди. Когда посыпались первые письма, когда все вдруг захотело познакомиться со мной, я подумала: «Силы небесные!» Я испугалась до смерти. Было такое ощущение, да оно и сейчас есть, что я кого-то одурачила. Не знаю, кого или что, может быть, себя.

Что бы я ни делала, я всегда хотела оказаться на высоте. Даже если это самая незначительная сцена в фильме. Чувство ответственности никогда не покидало меня. Думаю, всем актерам это присуще. Мы не только хотим быть хорошими, мы должны ими быть. Знаете, когда речь заходит о нервном напряжении перед съемкой, я люблю приводить слова моего учителя Ли Страсберга. Однажды я сказала ему: «Не знаю, что со мной, но я слегка нервничаю». Ли ответил: «Если этого нет, можешь сразу сдаваться. Взволнованность означает чувствительность». Вообще говоря, борьба с собственной робостью знакома каждому актеру. Внутри любого из нас сидит невидимый цензор, указывающий, до какой степени раскрепощенности мы можем пойти. Мне кажется, многие думают, что мы просто выходим на сцену и играем. Но это настоящая борьба. Я, например, отношу себя к очень мнительным людям, поэтому постоянно должна бороться с собой.

И, несмотря на все претензии режиссеров, актер не машина. Он такой же человек, способный чувствовать, страдать,

■ ■ Ну, звезда
я или не
звезда, не
знаю. Но
то, что
блондинка —
в этом я
уверена ■ ■.

нервничать. Как любая творческая личность, он, несомненно, требует контроля над собой. В принципе, режиссеру хочется, чтобы он скомандовал: «Сейчас пусти одну слезу», — и по щеке покати́лась одна слеза. Но за ней появляется и вторая, потому что ты думаешь: «Да как он посмел говорить так?»

Гёте заметил: «Талант развивается в одиночестве». И это правда. Многие люди не понимают, что актер нуждается в уединении. Ты можешь открыть миру душу лишь один раз — когда играешь. Однако они всегда к тебе цепляются, разбирают по косточкам: «Делай то, делай это». А так хочется оставаться неприкосновенной для них, самой собой.

Когда ты знаменит, каждый твой промах чудовищно преувеличивается. Киноиндустрия ведет себя словно мать, чей ребенок выбежал вдруг на дорогу. И вместо того, чтобы обнять и приласкать его, она предпочитает наказывать. Ты не имеешь права ни на что, даже на то, чтобы случайно простудиться. Да как ты, актер, посмел простудиться? Нет ничего хуже болезней. Пусть кто-нибудь попробует сыграть комедию с температурой и вирусной инфекцией! Актер должен быть, как чувствительный инструмент, и о нем надо заботиться, как Исаак Стерн заботится о своей скрипке. Интересно, как бы он стал на ней музицировать, если бы каждый ходил по скрипке ногами?

Как вы, наверное, заметили, в Голливуде, где делаются миллионы долларов, нет ни одного музея или памятника. Здесь котируются деньги и только деньги. Никто ничего не оставляет за собой. Люди, ворочающие огромными суммами, хватают, присваивают и несутся дальше. Внезапно я почувствовала, что не участвую в этой великой американской гонке, где никто не имеет права на остановку, а должен лишь идти и идти вперед без всякой видимой причины. Я не хочу никуда бежать, я хочу играть перед людьми, используя все свои возможности.

Однажды я должна была сойти с экрана, это должно было стать моим концом. Это было, когда моего мужа, драматурга Артура Миллера, обвиняли в антиамериканской деятельности. Один господин из кинокомпании мне сказал: «Назовет он или не назовет имена, ты так или иначе причастна, и с тобой все равно покончено». Я тогда ответила: «Я горжусь позицией своего мужа и буду поддерживать его до конца».

Я сочла за честь присутствовать на банкете в честь дня рождения Президента в Мэдисон Сквер-гарден. Я до сих пор слышу тишину вокруг, когда вышла спеть «Happy Birthday». А потом был прием у Президента. Я присутствовала на нем вместе с моим свекром Исидором Миллером. И, столкнувшись с Президентом, я сказала ему: «Это мой свекор, Исидор Миллер». Мне показалось, что я допустила бестактность. Мне, конечно, следовало осведомиться: «Как поживаете, мистер Президент?» Но ведь Исидор Миллер приехал в Америку бедным иммигрантом, и я поняла, что, если пред-

ставлю его Президенту, это будет величайшим событием в его жизни, тем, о чем он с гордостью сможет рассказать своим внукам. Надеюсь, никто не заметил моей оплошности.

Слава несет с собой великое бремя — я с уверенностью заявляю об этом. Я не возражаю быть обремененной красотой и сексуальностью. Думаю, женственность и привлекательность не поддаются возрасту, и их нельзя добиться искусственно. Сексуальность хороша, когда она естественна. Этот момент многие упускают. Все мы рождаемся сексуальными созданиями, спасибо Господу, но, к сожалению, многие разрушают и даже презирают этот дар. Искусство, настоящее искусство, строится только на чувственности.

Я никогда до конца не понимала термин «секс-символ». Мне казалось, символ — понятие сугубо неодушевленное. И очень печально, что «секс-символ» — это тоже какая-то вещь. Я ненавижу быть вещью, но коль уж это произошло, то хорошо хоть я стала символом секса, а не чего-нибудь еще. А взять этих девчонок, пытающихся стать мной? Я думаю, они делают это не по собственной воле, их просто заставляют. Но проблема в том, что без фундамента не будет и фасада.

Для меня слава означает временное и далеко не полное счастье, даже если вспомнить, что я когда-то была беспризорным ребенком. Слава — не для каждодневного употребления, и это не то, что приносит сытость. Она похожа на икру, но только когда ты не вынужден есть ее каждый день.

Я не привыкла быть счастливой. Я выросла не так, как средний американский ребенок: американский ребенок растет потенциально счастливым. Но, несмотря на это, слава свела меня с двумя прекраснейшими из мужчин, за которых я вышла замуж.

Я не думаю, что люди сами от меня отвернутся. Они могут начитаться газет или послушаться сплетен. Но я уверена, когда они пойдут и посмотрят фильм с моим участием, все встанет на свои места. Мы, человеческие существа, — странные создания, и, несмотря ни на что, всегда оставляем за собой право судить.

Вероятно, это большое облегчение, когда ты уходишь со сцены. Как будто бежишь дистанцию, не зная, сколько тебе осталось, и вдруг появляется финишная черта — ты сделал это! Однако ты постоянно должен вновь выходить на старт и использовать весь свой потенциал, чтобы добиться успеха. Сейчас я живу работой. Я общаюсь лишь с несколькими людьми. Известность когда-нибудь пройдет, и — прощай, я обманула тебя, слава. Я знаю, ты непостоянна. Ты была чем-то, что я испытала, но в чем не жила.

Перевел с английского
С. КОПЫТЦЕВ

Русский шпион с помощью излучателя низкочастотных волн выводит из нормального состояния мозг президента Соединенных Штатов Америки. Такова интрига книги американского писателя Ларри Коллинза «Лабиринт». Сколь фантастическим ни казался бы ее сюжет, в основу книги положены собранные автором материалы о секретных военных лабораториях. Ларри Коллинз рассказал французской журналистке Марине де Бален о своем расследовании.

В 1985 году я случайно попал на две любопытные работы. Речь в них шла об экспериментах по использованию различных воздействий на мозг человека в сфере разведки, проводившихся в начале 80-х годов. Тот факт, что ЦРУ, военно-морское ведомство и Агентство защиты интеллектуальной собственности интересуются этими вопросами, вызывал удивление. Я начал расследование о влиянии электромагнитных волн сверхнизкой частоты на мозг людей. Как влияют на поведение человека вживленные в мозг электроды, известно уже лет двадцать. Но то, что таких же результатов можно достичь на расстоянии — это было что-то новое. Но когда я начал задавать вопросы на эту тему, я натолкнулся на стену молчания. Никто не хотел об этом говорить.

— Как же вам удалось пробить эту стену?

— Мое расследование сдвинулось с мертвой точки благодаря Сиднею Готлибу, бывшему сотруднику ЦРУ, до 1977 года руководившему научно-исследовательским отделом по изучению поведения человека. Готлибу пришлось предстать перед сенатом, поскольку возглавляемая им служба обвинялась в применении ЛСД на людях без их согласия. После этого он вынужден был подать в отставку, и никто о нем больше не слышал. ЦРУ его адрес засекретило. Даже его товарищи отказались поговорить со мной о нем. По чистой случайности я узнал, что Готлиб, уйдя из ЦРУ, какое-то время занимался логопедией, и моя сестра, тоже врач-логопед, нашла его координаты. Я написал ему и, к моему большому изумлению, получил ответ. Вначале он не был расположен делиться со мной своими воспоминаниями. Как и большинство людей, работавших в разведке, он был подозрителен и не испытывал желания вновь возвращаться к тому периоду своей жизни. Я послал ему свои книги, и он в конце концов решил пригласить меня к себе домой.

— Что с ним стало после того, как он ушел из ЦРУ?

— Сначала он отправился в Индию, где провел таинственный период жизни, о котором он не рассказывал.

ПОХИТИТЕЛИ МЫСЛЕЙ

В настоящее время это полный здоровья семидесятилетний человек. Он живет в уединенном поместье в штате Вирджиния, где возделывает великолепный сад с огородом и разводит пчел. Мы подружались. Он открыл для меня свою записную книжку.

— И куда вас она привела?

— В течение двух с половиной лет у меня были очень интересные встречи с учеными. После встречи с Готлибом я поехал в Мадрид к Дельгадо, известному ученому, профессору психологии Йельского университета. Он — один из пионеров в области изучения воздействия на мозг животных. В научном мире известны его успешные эксперименты на быках. Имплантировав в мозг животных приемник, он мог воздействовать на центры агрессивности. Однажды на корриде, когда на арене выступал Кордобес¹, Дельгадо послал электрическую волну, и бык вдруг стал нежным, как котенок. Кроме того, уже без применения антенны Дельгадо научился с помощью электромагнитных волн «повелевать» рыбами.

— Это очень интересные эксперименты, но на первый взгляд они имеют мало общего с разведывательными службами.

— Только на первый. Беседы с Дельгадо вывели меня на любопытный документ — отчет о секретном эксперименте,

проведенном ответственным сотрудником лаборатории военно-морского министерства. С помощью электромагнитного поля исследователю удалось усыпить целую колонию крыс в подвале. Благодаря моим контактам я нашел след этого ученого. Он профессор одного из канадских университетов. Его лаборатория могла бы послужить декорацией для фантастического фильма. Стены ее заставлены стеллажами с сосудами, в которых в растворе формалина хранится человеческий мозг...

— От воздействия на мозг крыс к воздействию на мозг человека всего лишь шаг? Был ли он уже сделан?

— К середине 70-х годов ЦРУ попыталось испытать электромагнитное излучение на добровольцах, предназначенных стать двойными агентами. Но Белый дом формально не дал согласия на продолжение экспериментов, поскольку речь шла об очень деликатных вопросах. Однако мне довелось, к примеру, беседовать с женщиной, возглавляющей в Беркли небольшую, отнюдь не первостепенной важности лабораторию. В ней и после 70-х осуществлялись эксперименты на добровольцах.

В Лос-Анджелесе я встретился с ученым, утверждающим, что он успешно испытывал воздействие электромагнитного поля на поведение посетителей ресторана, приводя их попеременно то в состояние чрезмерного возбуждения, то в состояние покоя.

— Изменять поведение людей так, чтобы они этого не замечали, вызывать у

Ларри КОЛЛИНЗ,
американский писатель

них желание спать или убивать, это действительно возможно?

— Я предпочитаю, чтобы на этот вопрос вместо меня ответил Рос Эди.

— Кто это такой?

— Блестящий ученый, занимающийся изучением клетки и возглавляющий очень сильную исследовательскую группу при больнице в Сан-Диего в штате Калифорния. Вероятно, он вскоре получит за свои работы Нобелевскую премию. Он согласился прочитать рукопись «Лабиринта» до ее опубликования, чтобы у меня была уверенность, что я не написал нечто неправдоподобное. В своем письме, которое я бережно храню, он мне ответил, что с научной точки зрения моя рукопись вполне достоверна, особенно когда речь идет об использовании электромагнитных полей для изменения поведения животных, воздействия на клеточные ткани или даже на человека.

Электромагнитные волны обладают свойствами, которые впервые были замечены в ходе экспериментов военно-морского министерства по установлению особой связи с моряками подводных лодок. Эти волны проходят тысячи километров: посланные с нулевой частотой, они способны несколько раз обогнуть земной шар за одну секунду. Они могут быть нейтральными и не содержать в себе энергии. И, наконец, они могут проникать сквозь различные материалы: че-

¹ Самый знаменитый тореро в Испании. К 36 годам жизни оставил свою карьеру, не имея на арене ни единого поражения. — Прим. перев.

рез воду, даже на больших глубинах, через свинец, хорошо известный своими изоляционными характеристиками, и главное — через череп человека, обладающий чрезвычайно эффективными защитными свойствами против любых видов внешнего воздействия.

— Итак, как же действуют электромагнитные волны?

— Не представляет сложности настроиться на ту же частоту волны, на которой функционирует человеческий мозг, и воздействовать на поведение человека.

— Трудно представить, к чему могут привести подобные открытия. Держать под контролем агрессивную толпу, обезсилить людей, вызвав у них сердечную боль, видоизменить сердечный ритм человека, доводя его до смерти — и все это на расстоянии, не из области ли это научной фантастики?

— Уверяю вас, что подобные сценарии возможны. Я готов утверждать, что использование электромагнитных волн в чрезвычайной ситуации вполне возможно.

Но в ближайшем будущем вряд ли будет создан прибор, способный заставить вас встать, скажем, пойти в соседнюю комнату и убить кого-либо.

— Однако уже существует магнитная энцефалограмма, этот удивительный детектор лжи, описываемый вами в книге?

— Да, их существует около десятка в мире. Машина, включающая ЭВМ и печатающее устройство, стоит не менее 5 миллионов долларов.

— Каково ее назначение?

— В основном она используется для фундаментальных исследований, а не для допросов шпионов. Ее действие чрезвычайно интересно в тяжелых случаях эпилепсии, к примеру, поскольку она позволяет хирургу очень точно выделить место, где происходит беспорядочное разряжение нейронов. Магнитная энцефалограмма способна на чудо, поскольку может улавливать информацию на глубине 5 сантиметров под корки.

— Вы видели эту машину?

— Да, это небольшая размагниченная комната. Пациенту на голову надевают подобие шлема, соединенного с цилиндром, заполненным жидким гелием. Эта установка соединена с цветовым экраном и печатающим устройством, воспроизводящим удивительные образы. Картография высокого качества. Самое незначительное движение вызывает серию электромагнитных потоков. Когда вы поднимаете руку, поток волн переходит от одной группы нейронов к другой, и его след хорошо заметен на экране.

— Каково ее действие в качестве детектора лжи?

— Машина способна обнаруживать эмоции. Уже испытанное чувство запаха, уже виденный образ оставляют отпечаток. Вот так можно определить двойных агентов. В настоящее время шлем снабжен 16 ориентирами, но один ученый уже задумал шлем, включающий 256 ориентиров, с помощью которого можно изучать человеческий мозг, последнюю об-

ласть, практически не изученную.

— Располагает ли ЦРУ подобной машиной?

— Я не думаю, но они могут использовать подобную машину, которую имеет специально оборудованная лаборатория.

— У русских репутация ученых, продвинувшихся в изучении мозга значительно дальше своих американских коллег. Располагают ли они магнитной энцефалограммой?

— Я был бы очень удивлен, если бы ситуация оказалась иной, но как в этом убедиться?

— Как вы получили информацию с советской стороны?

— Мои три поездки в Москву, следовавшие одна за другой, носили ознакомительный характер. Я не рассчитывал на то, что встречу там людей, готовых со мной говорить. Мне помогли диссиденты. Мне удалось познакомиться с тремя хорошо осведомленными специалистами. В их числе ученый, изучавшая в СССР воздействие низкочастотных волн на биологические организмы. В настоящее время эта женщина преподает в Калифорнии. Она выражала удивление по поводу отставания американцев в данной области. Я написал ей, мы встретились в Лондоне. Я также имел встречу со старым программистом одного из ведущих центров по изучению мозга в Ленинграде. Он мне поведал об экспериментах, проводившихся в обстановке чрезвычайной секретности и окончательно засекреченных в 1979 году.

Третий человек, рассказавший мне об их исследованиях, оставшийся на Западе офицер КГБ. Наша первая встреча состоялась в университете Сан-Бернардино, где он преподает психологию. Когда я приехал, он отчитывал молодую женщину по поводу использования ЭВМ. Восхищаясь спокойствием, с которым он говорил с ней, я не мог не представить его генералом, чин, который бы он наверняка получил, если бы остался в Москве. Этот перебежчик работал 5 лет на ЦРУ, прежде чем выйти в отставку. Это настоящий клад разведывательных данных. Он знаком со всеми публикациями по парапсихологии.

— Встречались ли вы с медиумами, которых использовали разведывательные службы?

— Около десятка раз. Я достаточно скептически относился к их способностям, и ни один из них не потряс меня своими откровениями. Тем не менее, как я выяснил, армия и ЦРУ время от времени обращаются к ним за помощью. Однажды советский самолет исчез в центре Африки. Речь шла о последней модели самолета, которую американская разведка хотела заполучить для изучения. Ни один из использованных методов поиска не дал результатов. Тогда обратились к медиуму, которому удалось обнаружить координаты самолета. Аналогичная история была и с американским самолетом.

— А как обстоят дела с моряками подводных лодок? Действительно ли, что американскому военно-морскому мини-

стерству удалось контактировать с моряками посредством телепатии?

— Установлено, что такая попытка была сделана во время погружений под ледяной панцирь Северного полюса подлодки «Наутилус». Этот эксперимент проводился в рамках проекта «Синяя птица», осуществлявшегося ЦРУ для выявления людей с огромными способностями в области чувственных ощущений, чтобы определить возможности их использования для практических нужд разведки. С тех пор аналогичные эксперименты проводились для тестирования способностей «ясновидящих» с целью местонахождения советских атомных подводных лодок. В принципе обнаружение подводных лодок невозможно, за исключением тех случаев, когда они перемещаются с одного места на другое. Большую же часть времени они неподвижно лежат на грунте, выполняя приказ «тишина».

— Каковы были результаты проекта «Синяя птица»?

— Достаточно сомнительные. Большинство ясновидящих ничего не увидели. Некоторые из них дали правильные ответы в отношении один к десяти. Это чуть больше, чем если бы они давали ответы на основании игры в кости. В связи с этим ЦРУ почти прекратило эксперименты со сверхчувствительностью. Я, в свою очередь, также оставил разработку этой линии в моем романе, посвятив этой теме всего несколько страниц. С моей точки зрения, новые секретные виды оружия будут открыты не с помощью парапсихологии, а с помощью все тех же электромагнитных волн низкой частоты.

— Жаль. Можно было бы вообразить войну таким образом, что генералы были бы заменены бригадами ясновидящих, сидящих в компании с совами и гадающих на кофейной гуще! Скажите, «Лабиринт» действительно вел вас от одних неожиданностей к другим?

— О самом удивительном я вам еще не рассказывал. Мне удалось встретиться с Уильямом Кейси, возглавлявшим в то время ЦРУ. Ему понравился один из моих романов, рассказывающий о шпионаже во время войны, поскольку сюжет книги был близок ему, и он с удовольствием согласился на встречу. Я располагал тридцатью минутами. Три четверти нашего разговора были посвящены второй мировой войне. В конце беседы у меня оставалось пять минут, и мне нужно было отважиться. Я ему пересказываю сюжет моей книги о влиянии электромагнитных волн на поведение человека. И внезапно вижу, как выражение его лица меняется от дружеского до неприступного. Он сказал в заключение: «Я сожалею, но мне нечего добавить по этому поводу». Интервью закончилось.

Перевела с французского
Е. ЯЦЕНКО

«КУПЦЫ», «КАЗАКИ», «РУССКИЕ ДУШИ» И ДРУГИЕ

Все мы, объединенные общим названием «российские потребители», ходим по магазинам, ларькам и «толнучкам», прицениваемся, торгуемся, даже не подозревая, что уже прочно занимаем свое место в различных классификациях. Одну из них составила американская рекламная фирма «Д'Арси Масиус Бентон & Болс», разделив нас на пять групп по психологическому признаку: «Купцы», «Казани», «Студенты», «Бизнесмены» и «Русские души». Прочитав этот материал, каждый может записаться в «Казани», например, и уже со знанием дела и «шашкой наголо» приступать к покупке импортных товаров.

КУПЦЫ (30 процентов русских мужчин; 45 процентов женщин). Слово «купцы» принято для обозначения типично русского феномена. Его можно приблизительно перевести как «торговцы», хотя в нашем исследовании мы отнюдь не имеем в виду род занятий людей, относящихся к данному психологическому типу. Потребители с такой психологией чаще всего встречаются в сельской местности, где привычка во всем полагаться только на самого себя и решительность особенно важны. Купцы консервативны, даже несколько ограничены, и в высокой степени ориентированы на все русское. Решение купить что-либо основывается у Купцов на надежности, практичности и качестве товара. Размышления по поводу стоимости для Купцов первостепенны.

Поэтому Купцы никогда не бросаются покупать западные товары только за то,

что они западные, и с трудом усваивают западный образ жизни. Это не значит, что они не покупают западные товары, но надпись «сделано на Западе» для них — не аргумент.

КАЗАКИ (10 процентов мужчин; 10 процентов женщин). Казаки — это тип русских потребителей, которые запутались в противоречиях. С одной стороны, они воинственно отстаивают свою «русскость» и враждебно относятся ко всему, что они считают антирусским. С другой стороны, будучи людьми честолюбивыми, Казаки очень падки до вещей, с помощью которых они могут продемонстрировать степень личного благосостояния. А подобные вещи сейчас — преимущественно зарубежного производства. Казаки склонны покупать импортные товары (особенно экзотические, дорогие или те, которые трудно достать). В то же время на людях Казаки предпочитают эти товары поругивать. Дома Ка-

заки могут курить «Кэмел» или «Данхилл», но в обществе будут курить и перевозносить русские сигареты.

Несмотря на все эти противоречия, Казаки — очень важная группа для иностранных производителей. Казаки, как правило, — люди недалекие, но со способностями к бизнесу. Рядовому западному бизнесмену этот тип людей, возможно, покажется неправдоподобным, зато тем, кто читал Достоевского, Казаки будут понятны.

СТУДЕНТЫ (10 процентов мужчин; 5 процентов женщин). Эта группа состоит из «вечных студентов» всех возрастов. В отличие от Купцов и Казаков им свойствен широкий и космополитичный взгляд на мир. Студенты — большие идеалисты: желая своему обществу благополучия и процветания, сами они несколько не честолюбивы и питают отвращение к тяжелой работе. Они яростно выступают за социальную поддержку населения со стороны государства, и не менее яростно — за свое право эту поддержку получать. И хотя собственное материальное благосостояние очень волнует Студентов, они никогда не поме-

няют легкой работы на более тяжелую, но лучше оплачиваемую, и не будут подрабатывать.

Студенты стараются по мере возможности покупать товары, произведенные на Западе: для них это как бы щелочка в Счастливое Завтра. Но их стесненное финансовое положение делает для них многие зарубежные товары недоступными. Они гоняются за престижными вещами, если их можно купить по дешевке. Например, им нравится «Мальборо», но курить они будут что-нибудь подешевле (вроде «Магны»).

БИЗНЕСМЕНЫ (25 процентов мужчин; 10 процентов женщин). Эта категория потребителей включает как бизнесменов в классическом западном смысле этого слова, так и тех, кто является таковыми в душе. Ими движет страсть к приобретениям, и в этом плане они очень энергичны. К Бизнесменам можно причислить, например, механика, который за плату чинит соседу машину, или водопроводчика, не брезгующего случайным заработком. По взглядам Бизнесмены, как правило, интернационалисты. Но в идейном плане Бизнесмены ни в коем случае не зависимы от Запада. У них своя голова и главное, что их волнует, — как делать деньги.

Себя Бизнесмен обычно воспринимает как занятого и преуспевающего человека. Бизнесмены не любят, когда за покупками приходится далеко ходить — у них на это просто не хватает времени. Товары для Бизнесменов должны отличаться функциональностью — занятые люди часто говорят, что у них нет времени на безделушки. Это не означает, что Бизнесмен потерян для западных производителей. Бизнесмен вполне может купить «мерседес», потому что он надежен, и курить «Мальборо», потому что их можно купить везде.

РУССКИЕ ДУШИ (25 процентов мужчин; 30 процентов женщин). Это существенная группа потребителей, состоящая из людей с низкими доходами, которые едва ли смогут зарабатывать больше, поскольку в жизни они очень непредприимчивы. Русские Души легко ранимы, не уверены в себе и предпочитают, чтобы за них думали другие. Русские Души очень боятся, что они доверятся кому-либо, но в конечном счете окажутся обманутыми. Например, купят отечественную марку автомобиля, а качество окажется очень плохим, и Русские Души чувствуют себя обманутыми. Или купят иномарку, а запчастей к ней не найдут — и опять у них возникает то же чувство.

Поскольку Русские Души чувствуют себя обманутыми почти в любой ситуации, очень трудно использовать классические подходы. Даже сама идея выбора пугает Русские Души. Все, что им нужно, — это убедиться, что кто-то уже купил определенный товар и остался доволен качеством. Ориентироваться желательно на другие группы, а Русские Души будут покупать по примеру остальных.

Перевел с английского
Д. ДЕНИСОВ

20 ФАКТОВ О

1. Пол Маккартни («Макка») бывший член «Битлз» и «Уингз» — почетный доктор музыки. Продано 150 000 000 его синглов и 120 000 000 альбомов.

2. Он занимает 22-ю строчку в списке самых богатых граждан Великобритании. Его состояние оценивается в 380 000 000 фунтов стерлингов; он зарабатывает 43 000 000 в год, 117 808 — в день, 4 908 — в час, 81,88 — в минуту,

1,36 — в секунду; за время всемирного турне в 1990 году заработал 12 000 000.

3. Старт его карьеры — почтовый служащий, разносчик посылок.

4. Родился 18 июня 1942 года в Ливерпуле, район Аллертон. Его отец был продавцом, по вечерам играл на тромбоне. Его мать работала медсестрой, умерла, когда Полу исполнилось 14.

5. В школе он пользовался успехом. Его всегда избирали капитаном класса.

6. В детстве он убивал лягушек.

7. Пол и его жена Линда (женаты с 1969-го) — убежденные вегетарианцы. Они решили отказаться от мяса в 1970-м, когда однажды в воскресенье обедали жареным барашком, но, выглянув в окно, увидели баранье

стадо, пасущееся на лугу. Собакам, живущим у Пола, мясо не дают. Во время гастролей исключительно вегетарианскую пищу ест и вся его группа.

8. Пол Маккартни до сих пор не знает нот. Он безуспешно пытался их изучить в 8, 16 и 22 года.

9. Четыре раза был судим за хранение наркотиков — в последний раз в 1984 году в Барбадосе, хотя после его предыдущего ареста в Японии в 1980 году Пол поклялся никогда больше не прикасаться к наркотикам.

10. Когда Пол закончил школу, ему советовали стать учителем, но его тайная мечта — стать художником.

11. Самое любимое развлечение Пола — ходить по магазинам и ресторанам, скупая живых омаров по 100 фунтов за штуку, чтобы потом отпустить их в море.

12. Когда убили Джона Леннона в 1980 году, Маккартни спросили, что он думает по этому поводу. Пол ответил: «Вот занудство».

13. Когда телевидение приехало снимать концерт первого классического произведения Маккартни «Ливерпульская оратория», за несколько секунд до начала взорвался генератор.

14. Когда его фотографируют, он всегда поджимает живот.

15. Его самый большой хит — сингл «Мыс Кинтайр» (продано 2 500 000

экземпляров); его самый большой провал — «Передайте от меня привет Бродвею», фильм 1984 года.

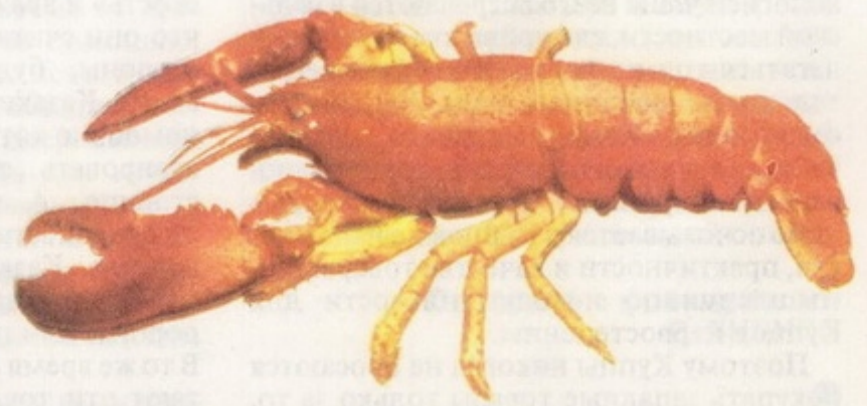
16. Ему принадлежит дом в Шотландии, дом в Аризоне, поместье в Сассексе, офис в Сохо, дом в Сен-Джон-Вуде и заповедник оленей в Эксмуре.

17. Он коллекционирует картины Магритта.

18. Когда Харольд Ринард, безработный и поклонник Маккартни, обратился с петицией к английской королеве и премьер-министру Джону Мейджору о необходимости удостоить Маккартни звания рыцаря, под петицией стояло 30 000 подписей.

19. В 1953 году Полу отказали в приеме в хор мальчиков Англиканского собора в Ливерпуле.

20. Во время последнего всемирного турне Маккартни бизнесмену из Марселя пришла в голову удачная идея — продавать баночки с потом Маккартни по 8 фунтов за штуку.

Я вспоминаю свой первый дневник. Белоснежная книжечка с маленькой золотой застёжкой и тисненными золотыми буквами на обложке. Подарила мне его тетушка, известная в трех штатах своими Худшими Подарками На Свете. Потому и этот ее подарочек я списала со счетов раз и навсегда по причине его полной никчемности. Однако через пару месяцев я уже и дня не могла прожить без него.

Мне было четырнадцать лет, я пережила первый поцелуй (тоска смертная, целую вечность глазела на луну, как нанятая), отчаялась попасть в компанию избранных девочек и подумывала о спортивной карьере. Настроение у меня менялось сто раз на день, и, что самое ужасное, не с кем было поделиться ни бедами, ни радостями — ну не было у меня подруги с ангельским терпением, способной выслушивать весь этот бред. И вдруг я случайно натолкнулась на тетин подарок. Я увидела его в ящике письменного стола, куда сама же его и запихнула, и меня охватило непреодолимое желание описать все, что со мной происходило.

Первые мои записи были довольно незамысловаты. «После школы торчали с Кэрри у Вики», или «Мне сегодня в кафетерии улыбнулся Алан Дилэней, и сам так растерялся, что чуть не перевернул тарелку с желе».

Но чем больше я писала, тем больше втягивалась в процесс, пока не начала описывать буквально все свои переживания. Вскоре я стала настоящей «дневникоманкой»: я не могла уснуть, если не провела хоть полчаса за белой книжечкой. Спустя несколько лет и пятнадцать дневников я по-прежнему пишу.

Что это за сила такая тянет к дневнику? Ведь можно вместо проведенного за ним времени послушать новую кассету или поболтать по телефону с подругой.

Прежде всего — это способ излить свои чувства и мысли, нисколько не беспокоясь о том, кто что скажет. Когда пишешь дневник, никто на тебя не давит. Не стоит за спиной учитель английского языка, чей красный карандаш только и ждет твоих ошибок. Нет приятелей, готовых посмеяться над твоими самыми сокровенными мыслями и чувствами. Не болтаются поблизости и любимый стар-

ЕЩЕ ОДИН ПУТЬ К СЕБЕ

Элисон БЕЛЛ,
американская журналистка

ший братец с вечными издевками по поводу твоего очередного увлечения. Только ты — мирно пишешь в тишине что твоей душе угодно и, главное, когда хочется. Все, что ты поведаешь своему дневнику, — размышления о погоде, о смысле и значении жизни, о хитрой мордашке любимого кота, спящего у тебя на постели, — это разговор наедине.

Только с ним я была сама собой. Мне казалось, что в школе, да и дома, я пытаюсь произвести на кого-то впечатление, что-то кому-то доказать. А с дневником я могла позволить себе расслабиться.

Дневник — это еще и убежище, где можно переждать шторм, пока «перекипят» родители и друзья. Вы можете

честно высказывать свое мнение о ком угодно, абсолютно не беспокоясь о последствиях!

Да просто изложить свои мысли в письменной форме — и то облегчение. Если я расстраивалась по какому-нибудь поводу, то, написав о своих переживаниях, я чувствовала себя значительно лучше. И если моя любимая подруга, сказав что-то необдуманное, обидела меня, то, излагая это в дневнике, я невольно проигрывала ситуацию задом наперед и видела, что сделала она это ненароком. Вот так я обнаружила, что, доверив свои чувства бумаге, я больше не расстраиваюсь попусту.

Дневник помогает представить все в перспективе. Он обладает не только лечебным воздействием на «молодой неокрепший организм» — он дает время на размышления, на то, чтобы обдумать свои поступки и чувства. Оглядываясь назад, просматривая старые записи, лучше узнаешь себя. Благодаря дневнику можно проследить смену собственных настроений и понять, что же делает нас счастливым, а что заставляет страдать. Вырисовывается модель вашего собственного поведения в различных ситуациях и при общении с разными людьми. Например, если вы рыдаете из-за того, что какой-то парень не пригласил вас на танцы — перелистайте дневничок. Без сомнения вы обнаружите, что только месяц назад... да нет же — на прошлой неделе... да на днях вы уже лили слезы по

поводу сходной ситуации. И каждый раз это все же не кончалось вселенской трагедией!

Понимание того, что все это уже однажды было, что вы не меняетесь, а чувства — непостоянны, поможет обрести уверенность в том, что и этот удар вы переживете.

Взгляд на вчерашние проблемы, их анализ помогают разобраться в сегодняшних. Читаешь и видишь: то, что казалось невыносимым несколько месяцев назад, сегодня едва ли и вспомнишь. Значит, и нынешние проблемы не так уж непреодолимы.

Дневник — это еще и хроника малейших событий повседневной жизни, которые иначе ускользнули бы из памяти бесследно. А ведь иногда хочется припомнить, что делал, где и с кем был в тот самый день: ведь в молодости каждый

день происходит что-то потрясающее, а впереди — еще более интересный день. Разве можно позволить бесследно уйти и выпасть из памяти этим прекрасным дням?

Вообще-то дневник — лучший друг. Он всегда с тобой, ему невозможно наскучить, и в любом споре он на твоей стороне. Но самое ценное свойство дневника в том, что он, в отличие от большинства друзей, не выдаст ни одного секрета (если, конечно, не попадет в чужие руки). Лучший способ сохранить свои мысли в тайне — спрятать дневник в безопасное место. Можно, конечно, попросить друзей и родственников не совать нос куда не следует, но не стоит так уж рассчитывать на их благородство, когда дело касается дневника!

Мой дневник трудно было уберечь от чужих глаз: я тут же потеряла от него золотой ключик. Поэтому я была постоянно настороже — моя сестра-близняшка никак не могла взять в толк, почему мои мысли автоматическим образом не становятся ее частной собственностью. Я все время носила его с собой в сумке, а на ночь засовывала в наволочку и спала на нем. Ну что могло быть безопаснее? Тем не менее скоро я узнала, что моя милая сестричка нашла тайник и по утрам, пока я была в душе, мирно его прочитывала. Третья мировая война не началась только потому, что она дала мне прочитать избранные страницы из своего. Мораль истории такова: выбирая тайник, убедись, что за тобой никто не подглядывает.

Если вы мечтаете стать знаменитым писателем, дневник — замечательный способ проверить свои способности. Это прекрасный полигон для ваших идей, пробы творческого почерка. А потому старайтесь всегда держать его под рукой — тогда вы сможете воспользоваться им при очередном приливе вдохновения.

Ведя дневник, вы продолжаете великую литературную традицию — многие знаменитые писатели и поэты делали то же. Среди них Вирджиния Вульф, лорд Байрон, Генри Дэвид Торо и Ральф Уолдо Эмерсон — кто знает, может, придет день, и ваше имя займет достойное место в этом ряду?

Но даже если их лавры не тревожат ваше воображение, совсем не вредно ежедневно уделять немного времени дневнику. Это вовсе не значит, что вы обязаны заниматься этим: никакой обязанности, когда дело касается дневника! Однако если вы втянетесь в это занятие, вы точно его не забросите. Клянусь, что, взявшись однажды за дневник, вы уже не сможете не писать хоть пару строчек каждый день: вы попались на крючок.

Перевела с английского
Н. ХРОПОВА

ИНДИЯ: ПЛАТА ЗА КРОВЬ

Питер ХИЛМОР,
английский журналист

В Индии скорость распространения запахов, похоже, превышает скорость света. Уже рассветло, но очертания деревни еще скрыты маревом жары и облаками пыли, хотя вонь, вечный спутник нищеты, уже сигнализирует о том, что мы добрались до цели.

Рядом с дорогой — большой пустырь, который жители деревни на рассвете используют как уборную, ванную и свалку мусора. Уже достаточно светло, чтобы видеть, как по этому пустырю осторожно пробирается человек, тщательно выбирая место, куда поставить ногу. Поодаль другой энергично чистит пальцами зубы. Тут и там бродят священные коровы, оставляя за собой дурно пахнущие лепешки, какая-то девочка, присев на корточки, старательно моется в грязной луже. Детишки уже играют среди щиплющих траву коров, другие дети роются в кучах мусора.

Одни крестьяне относят на пустырь свой мусор, другие потихоньку подбираются поближе, чтобы посмотреть, не найдется ли там чего-то, что могло бы им пригодиться. Тут за счет бедных живут еще более бедные. И тут в этой самой деревне богатые покупают у бедняков свою жизнь. Если вам угрожает смерть, потому что ваши почки перестали работать, не отчаивайтесь. Поезжайте в Мадрас, и какой-нибудь из обитателей деревни Вилливаккам продаст вам свою почку.

Когда становится совсем светло, начинает рельефно вырисовываться и сам Вилливаккам. Он представляет собой группу саманных домиков, крытых соломой, среди которых вьются немощные дорожки. Этот поселок расположен в окрестностях Мадраса на юге Индии. Он стал полутрущобным пригородом Мадраса после того, как промышленные окраины города подползли к нему и вобрали его в себя, лишив его сельского облика. Не зная истории Вилливаккама, можно спокойно проехать мимо него, не остановив на нем своего взгляда. Но даже люди, которым неведомо его значение для медицины, замедляют теперь шаг или притормаживают автомобиль, проезжая мимо. Поселок Вилливаккам в штате Тамилнад был тем местом, где останавливался Раджив Ганди во время предвыборной поездки по стране, на пути к своей смерти. Там скрывались у родственников двое человек, подозреваемых в убийстве Раджива. Однако это слишком несущественный повод, чтобы надолго запомнить этот поселок: политический организм не вызывает у людей такого интереса, как человеческие внутренности.

В Вилливаккаме всего пять сотен лачуг и несколько кирпичных домов. Численность населения — примерно 4000 человек. Неподалеку от поселка из-за де-

ревьев виднеется разворошенная каменоломня как какой-то безобразный шрам на теле земли. Но в деревне есть и другие шрамы, гораздо более ужасные и безобразные. Это шрамы на теле многих-многих людей, главным образом у женщин.

Если попросить, мужчины охотно приподнимают рубахи, а женщины приспускают с плеча грязные сари и разматывают его, чтобы показать свои шрамы, которые идут вдоль левой части спины, начинаясь от талии, и имеют в длину около 30 сантиметров.

Если вы задержитесь ненадолго в Вилливаккаме, говорят крестьяне, вы сможете насчитать у здешних жителей не менее 400 таких шрамов — эти шрамы ясный и недвусмысленный признак, что у людей удалена почка. Удалена не потому, что почки жителей Вилливаккама поразила какая-то странная болезнь, не потому, что в результате употребления грязной воды из единственной на всю деревню водоразборной колонки они подхватили вирулентную форму гепатита, а потому, что жители Вилливаккама торгуют своей плотью. Они продают части своего тела. Платных доноров почек здесь больше, чем где-нибудь в Индии или во всем мире. Вилливаккам даже прозвали «Почко-ваккам». Жителям этой деревни неведомо, что Всемирная организация здравоохранения провозгласила, что «человеческое тело или его органы не могут быть объектом коммерческой сделки». Да и что бы изменилось, если бы они знали об этом?..

Ренуке Натараджан 28 лет. Двое ее детей — совсем маленький мальчик и одиннадцатилетняя девочка — жмутся к ней на пороге ее крошечного домика. Ее муж Раджкумар продал одну из своих почек еще в 1986 году, когда к нему обратился посредник, пообещавший «все устроить». Спустя два года Раджкумар показал жене объявление в местной газете, выходящей на хинди, о том, что «требуются доноры». В объявлении предлагалось 25 000 рупий за одну почку. По нынешнему курсу это примерно 714 фунтов стерлингов, однако в деревне, где человек — в том случае, если ему повезло найти работу, — получает всего 300 рупий в месяц, заниматься такими подсчетами нет смысла. 25 000 рупий кажутся здесь целым состоянием.

«Нам жилось нелегко, — рассказывает Ренука. — Муж не имел никакой работы. Свои деньги мы истратили на уплату старых долгов, а тем временем накопились новые. У нас не было работы, и поэтому я согласилась продать одну почку. Приехал человек, который отвез меня в мадрасскую больницу, где у меня взяли анализы...»

Спустя некоторое время Ренука стала плохо себя чувствовать. «В больнице мне сказали, чтобы я отдохнула с полгода, но такой возможности у меня не было. Я поехала в частную больницу, и на лечение пришлось истратить 2000 рупий. Боли, однако, не прошли до сих пор».

Деньги, полученные за почку, пошли на то, чтобы покрыть часть новых долгов (люди, ссужающие деньги беднякам, берут огромные проценты, и, таким образом, крестьяне попадают в долговую кабалу). Критерии богатства в Вилливаккаме — это крыша, крытая свежей соломой, стены из кирпича, а не из самана; велосипед; киоск с прохладительными напитками на шоссе. Что касается Ренуки, она часть денег отложила на приданое для дочери. Без приданого той не выйти замуж.

Ренука купила также ручную тележку и теперь развозит по деревне белый порошок тонкого помола, которым пользуются здешние жители для выкладывания сложных декоративных узоров на крыльце. Выручка от этого занятия грошовая. Ренука демонстрирует нам, как

рисуют порошком: белый, как мел, порошок сыплется ручейком у нее из рук, образуя изящный цветочный узор. «И зачем только я продала свою почку! Денег у нас как не было, так и нет», — вздыхает она.

По соседству, рядом с маленьким индуистским храмом и озером, где женщины стирают белье, живет Лакшми, вторая жена Раджжумара, мать троих детей. Она продала свою почку в прошлом году на праздник Дивали (то есть где-то в октябре).

Вилливаккам — лишь один из наиболее ярких примеров торговли «запчастями» для человеческого организма, процветающей в Индии.

В этой стране любая часть тела, которая может служить предметом медицинского донорства, не отдается безвозмездно, а продается за деньги. По мере того как в других странах предпринимаются энергичные усилия для того, чтобы сократить продажу почек (одного английского врача даже лишили права практики за то, что он привозил в Англию бедняков из Турции для пересадки их почек богатым пациентам), доля Индии в коммерческих сделках такого рода постоянно возрастает. В частных больницах полным-полно тяжелобольных иностранцев: в Бомбее — преимущественно богатых арабов, в Мадрасе — пациентов из стран Дальнего Востока.

Среди посредников, действующих наподобие сутенеров в этой новой форме проституирования человеческого тела, существует неофициальный прейскурант на человеческие органы. Почка от живого донора стоит около 30 000 рупий (за саму операцию надо платить дополнительно). Есть сведения, что бедняки предлагают на продажу свои глаза: «живую» сетчатку можно купить за 80 000 рупий. Неудивительно, что Международное общество искусственных органов заявило, что «в Индии торговля органами человеческого тела, видимо, близка к тому, чтобы вырваться из-под контроля».

Трансплантант кожи ценится дешево: лоскут кожи для заживления обширных ожогов можно достать всего за 1000 рупий. Врачи покупают кожу у профессиональных доноров, оттирающихся возле больниц. Ежегодно покупается более 5 миллионов литров крови.

Торговля идет бойко, даже несмотря на опасность заражения СПИДом. Один профессиональный донор в Дели сказал, что получить нужные анализы на СПИД не составляет труда. «Я просто даю взятку врачу», — заявил он.

Раньше Индия была крупнейшим в мире поставщиком человеческих скелетов, но в 1985 году правительство ввело ограничения на вывоз скелетов, ввиду того, что участились сообщения об осквернении могил. Но эта мера правительства лишь заставила «дельцов» действовать осторожней. Истории, которые рассказывают о похищении трупов из могил, стали еще более зловещими: утверждают, что бесследно исчезнувшие люди в конце концов поступают в про-

дажу, либо в виде трупов, либо в виде скелетов. Трупы продаются очень дешево. За скелет дают 10 000 рупий, а труп продают медицинским институтам для обучения студентов-медиков не дороже 6 000 рупий.

...Между тем в Вилливаккаме толпа людей возле журналиста растет. Бедность носит тут особенно острые формы. Люди выстраиваются в очередь, чтобы продемонстрировать свои шрамы — верное доказательство того, что человек продал свою почку.

Верлукалам, которая стирает белье в озере возле храма, показывает мне свой шрам. «Понятно, я продала почку не от хорошей жизни. Но другого выхода не оставалось — у нас совсем не было денег». Она против того, чтобы продал почку муж.

«Он — единственный работник в доме, и ему нужны силы», — говорит она. Деньги скоро разошлись, и сейчас семья живет на то, что муж Верлукалам выручает от продажи прохладительных напитков в своем киоске.

От Рани сбежал муж, оставив ей троих детей. Семья живет на те одиннадцать рупий (30 пенсов) в день, которые 14-летний сын Рани зарабатывает как ученик сварщика, и на те деньги, которые Рани выручила от продажи почки.

К 23-летней Соне явился «брокер» (посредник), который специально приехал в Вилливаккам и стал заводить разговоры с жителями деревни. Он сказал ей, что он сам оплатит все необходимые анализы и, кроме того, даст ей «кучу денег». Соблазнившись, Сона шесть месяцев назад продала свою левую почку за 27 500 рупий (785 фунтов стерлингов — курс обмена отстаёт от темпов инфляции). Сона пудрится традиционным в этом месте порошком, придающим ее коже такую же бледность, какая бывает у людей с больными почками, которые покупают в Вилливаккаме здоровые почки.

В соседнем поселке Тхирувелле имеется улица, которую местные жители называют «Почечная»: если вы желаете продать почку, там вы найдете «брокера». Он все устроит, обо всем договорится, отвезет перспективного донора в больницу, где тому сделают анализы крови и мочи. Посредник оттяпает себе до 5 000 рупий из той суммы, которую получит донор.

Обычно «брокеры» слоняются возле крупных лечебниц. Когда прибывает пациент с почечной недостаточностью, они узнают его группу крови и представляют ему список потенциальных доноров, после чего с тяжелобольным человеком, у которого уже не осталось никакой надежды на спасение, начинается торг... В 1983 году из Индии было вывезено 50 почек для пересадки больным, в прошлом году — уже более 2 500. Несомненно, почти все они были от живых доноров, потому что в стране очень мало инструментов для изъятия почек у трупов. В начале этого года в журнале «Ланцет» были опубликованы данные о масштабах вывоза почек из Индии в Объединенные Арабские Эмираты. 130 паци-

ентов, пишет «Ланцет», ездили в Бомбей, чтобы там им частным образом сделали эту операцию. Восемь из них умерли через несколько дней после операции, 24 — в течение года после нее, и вообще процент выживаемости был гораздо ниже, чем в развитых странах мира.

Не исключено, что одна из почек была взята у какой-нибудь из женщин в Вилливаккаме, может быть, даже у Соны, которая хотя и подписала бумагу, гласящую, что она отдает свою почку из «чувства глубокой любви и искренней привязанности к тому, кто ее получит», на самом деле не имеет понятия о том, кому она досталась. «Брокеры», при посредстве которых ведется торговля органами человеческого тела, часто приезжали в Вилливаккам и совершенно открыто зазывали всех желающих продать почку, рассказывая фантастические истории о богатстве, которое ожидает доноров. Сейчас они приезжают не так часто, возможно, потому, что теперь им не приходится убеждать людей: обещаемые блага — налицо!

Тхиагараджан и обе его жены продали по почке и купили дом. Сейчас Тхиагараджан сам изредка занимается «брокерством». По его словам, в Вилливаккаме это нетрудная работа. Стоит лишь назвать людей, которые согласились на удаление почки. Перечислить, что они приобрели на вырученные деньги и — лучшего аргумента не надо! Его жена Тхилака показывает медицинскую справку, которую ей дали в «Гест хоспитал», частной больнице в Мадрасе. В этой справке сухим медицинским языком изложено все, что было проделано с ней: «левое бедро надрезано. Левая почка изолирована, уретра рассечена надвое. Рана зашита».

Сейчас, однако, «брокеры» стали поосторожнее. В марте один железнодорожный служащий продал свою почку, чтобы покрыть расходы, связанные со свадьбой сестры. Но после удаления почки он умер от внутреннего кровоизлияния. Спустя несколько дней умер и реципиент, чиновник налогового ведомства. «Брокер» и врач, удаливший почку, были арестованы.

Предполагается, что доноры живых почек — близкие родственники реципиентов. Старая Чиннама, потерявшая мужа и обеих дочерей, живет с сыном Бабу, который получает всего лишь 15 рупий в день, работая рикшей, и поэтому был вынужден продать одну почку. Чиннама показывает корреспонденту памятную фотокарточку, на которой запечатлены донор и реципиент — индеец Бабу и мрачный уродливый малайзиец. При самом богатом воображении родственного сходства между ними не найти.

Жители Вилливаккама стоят на самом низком уровне шкалы спроса и предложения. Безусловно, не все там сожалеют о своем решении, продиктованном экономическими соображениями. «Мы, например, счастливы, что отдали свои почки», — говорит 27-летняя Кастури, у которой общий муж с ее сестрой, 25-летней

Кальяни. — Наш муж в состоянии работать, а если бы отдал почку он, мы все лишились бы кормильца».

Балан тоже продал свою почку. Он работал ночным сторожем в кинотеатре и запутался в долгах, возникших в связи с расходами на свадьбу сестры. К тому времени, когда он сам женился, у него было уже 15 000 рупий долга. Он рад, что удалось продать почку. «Я не заработал бы такую сумму, проживи я хоть три жизни», — говорит он. Когда же ему понадобились дополнительные деньги, он уговорил свою жену Васантакумари, чтобы она тоже продала почку.

Несколько женщин из этого поселка предъявили иск к больнице, где им были удалены почки. Они требуют, чтобы им была выплачена дополнительная сумма за проданные почки. «Дирекция больницы обещала нам уплатить еще 25 000 рупий через три года. Однако никто из нас так и не получил этих денег», — говорит Кастури, одна из истец.

Частные больницы и клиники «Гест хоспитал», «Пандалаи», «Аполло», упоминаемые жителями Вилливаккама, расположены на той же мадрасской дороге. В стране насчитываются сотни тысяч частных клиник. Некоторые из них работают по лицензии, другие обходятся без таковой.

Понятно, почему врачи Мадраса избегают рассказывать о своих делах, хотя один из них сказал в свою защиту: «Если бы речь шла только о деньгах, должен сказать, что я заработал бы гораздо больше на диализных установках».

В Индии ежегодно умирает от почечной недостаточности до 80 000 человек. В стране всего 650 диализных установок. Частные больницы берут за подключение к такой установке 5 000 рупий в месяц. Но сверх стоимости самой почки реципиенты обязаны уплатить клинике за операцию около 70 000 рупий. Один врач сказал: «Я не покупаю почку, я дарю человеку жизнь. Что здесь дурного, скажите мне!»

Если какой-то мадрасский врач даст знать, что ему требуется «живая» сетчатка, «брокеры» наверняка поедут за ней в Вилливаккам. И там им не покажут на дверь. Кастури, когда я спросил ее, продаст ли она свой глаз за 80 000 рупий, помолчала. «Надо подумать», — сказала она, наконец, мысленно взвешивая на одной чаше весов зрение, а на другой, потенциальное богатство. — Глаз — ведь это то же, что и почка, не так ли? Человек вполне может обойтись одной почкой и одним глазом».

Мама позвонила мне сразу после смерти моего друга Марка. «Может быть, к лучшему, что он умер. Он так мучился», — сказала она, пытаясь меня утешить. Да, ему пришлось вынести боль и медленное умирание без надежды. Я сказал: «Я устал это слышать всякий раз, когда мои друзья умирают». Мама ничего не ответила. Конечно, она не могла представить всего того, что я пережил за эти два года, она боялась за меня. Когда-нибудь настанет день, и ей скажут: «Может быть, к лучшему, что он умер».

Самые частые слова, которые я теперь слышу, — «чудо», «исцеление». В моем представлении возникают картинки безногих, театральным жестом отбрасывающих костыли... Нет, я знаю, что чудо невозможно: я уже не раз стучался в эту дверь. Я слышал о множестве способов лечения, некоторые из них попробовал на себе. Я не знаю, почему мои родители вдруг так поверили в какого-то швейцарского доктора. Меня беспокоит цена. Я подсчитал расходы на авиабилеты, гостиницу и десятимесячный запас лекарств. Мне жаль родителей: мне уже тридцать, но я все еще тяну с них деньги. Мне стыдно. Я раздражен.

Сегодня мне хочется побыть одному. Завтра утром я улетаю из Сан-Франциско в Цюрих. Мокрая тропинка, по краям маленькие упрямые цветы желтого цвета. На пляже туман, океан угрожающе гудит и плюется пеной. Пусто. Только двое гуляют с собакой, у которой забинтовано ухо.

Тысяча вопросов вертится в моей голове: как выглядит этот доктор? Еще одна бесполезная попытка? Так и придется бегать от врача к врачу по всему миру, пробуя различные способы лечения? Но разве я могу жаловаться, когда большинство больных СПИДом вообще не может рассчитывать на медицинскую помощь, и им остается лишь умереть без всякой надежды?

СПИД заставляет меня спешить: раз отпущенное мне время ограничено, я хочу, чтобы мою книгу опубликовали СЕЙЧАС, пока я еще могу ее прочесть; я хочу сделать ремонт квартиры СЕЙЧАС, пока способен стоять на раздвижной лестнице... По иронии судьбы опубликованы уже две мои книги, квартира сверкает, а я все еще здесь, все еще спешу.

Моим друзьям кажется, что они морально неплохо меня поддерживают, но я считаю иначе: в их ободряющих фразах мне слышится угроза. Если 5 — 6 лет назад люди хватились за каждую новую гипотезу, веря, что китайские огурчики или определенные витамины способны спасти, то теперь никто уже не верит ни в один новый способ. Слишком много людей умерло за эти годы.

Я в самолете. 8 часов до Цюриха. Я мрачен. Все слишком маленькое и слишком близко. Мне тесно, мне не хватает пространства. В прежние годы я принял бы дозу героина и не чувствовал бы раздражения от долгого путешествия. Я бы ничего не хотел. Но теперь без наркотиков я вынужден видеть каждого туриста, длинный нос стюар-

дессы, очередь в туалет... Старая песенка: я — принц, все остальные — куча дерьма.

Отец присоединился ко мне в Нью-Йорке. В 6 утра самолет приземлился в Цюрихе. В отеле отец предлагает мне немного поспать. Когда я закрываю дверь номера, в ту же секунду слышу чужой, пронзительный, противный всхлип. Полчаса я рыдаю. Но не от жалости к себе. Плечи напряжены, руки сжаты в кулаки, слезы злые. Почему я в такой ярости? Разве отец не старается мне помочь? Разве все не стараются мне помочь? Почему я злюсь на отца? Почему мне так одиноко? Я содрогаюсь от рыданий на узкой гостиничной кровати, ощущая ужас и отвращение к себе.

У меня перед глазами — давние воспоминания. Вот я в колледже, у меня депрессия; вот я весь в делах, ношусь по Нью-Йорку; пьяный, у стойки бара спасаюсь от разочарований. Лица умерших друзей. Все отчаяние, какое я испытал в жизни, разом выплескивается на меня. Что же я тут делаю?

Мы с отцом едем на электричке. Мелькают домики с ярко выкрашенными цветочными ящиками в каждом окне. Небо бледно-голубое, застывшее, словно нарисованное...

Офис доктора Рока в безликом больничном строении напротив железнодорожной станции в маленьком городке Фрейнбах. Доктор говорит по телефону. Он малень-

кий, круглый, лысый, огромные очки почти закрывают розовое лицо. Входит Сюзанна. У нее широкая улыбка, она переводчица: доктор Рока не говорит по-английски.

Доктор задает вопросы: что я чувствую, какими препаратами пользовался — их список такой длинный, что о нем тошно даже думать. Мы тоже спрашиваем, как будет проходить лечение. На столе доктора стоит табличка с надписью по-немецки: «Доверься Богу».

Наконец я задаю мучающий меня вопрос: «Вы считаете, что ЭТО можно вылечить?» Я наблюдаю за выражением лица Сюзанны. Оно никак не меняется, все та же улыбка. Она просто переводит мой вопрос. Доктор медлит, осторожно подбирая слова: «Не могу сказать, что выздоровление наступит сразу. Сегодня. Но это путь к выздоровлению».

Меня кладут на стол. В руку вонзается игла. Кровь перекачивается по прозрачной трубке в стеклянную бутылку, в которой она смешивается с ионизированным кислородом и препаратом доктора Рока, потом возвращается назад, в мою вену. Мне дают ложку чего-то коричневого и очень горького. В ягодицу делают укол. Нога дергается от пронзительной боли. «Я, дас ист нормаль», — говорит доктор, кивая головой.

Меня тяготит общение с отцом. Я вижу,

Бо ХЬЮСТОН,
американский писатель,
инфицированный вирусом СПИД

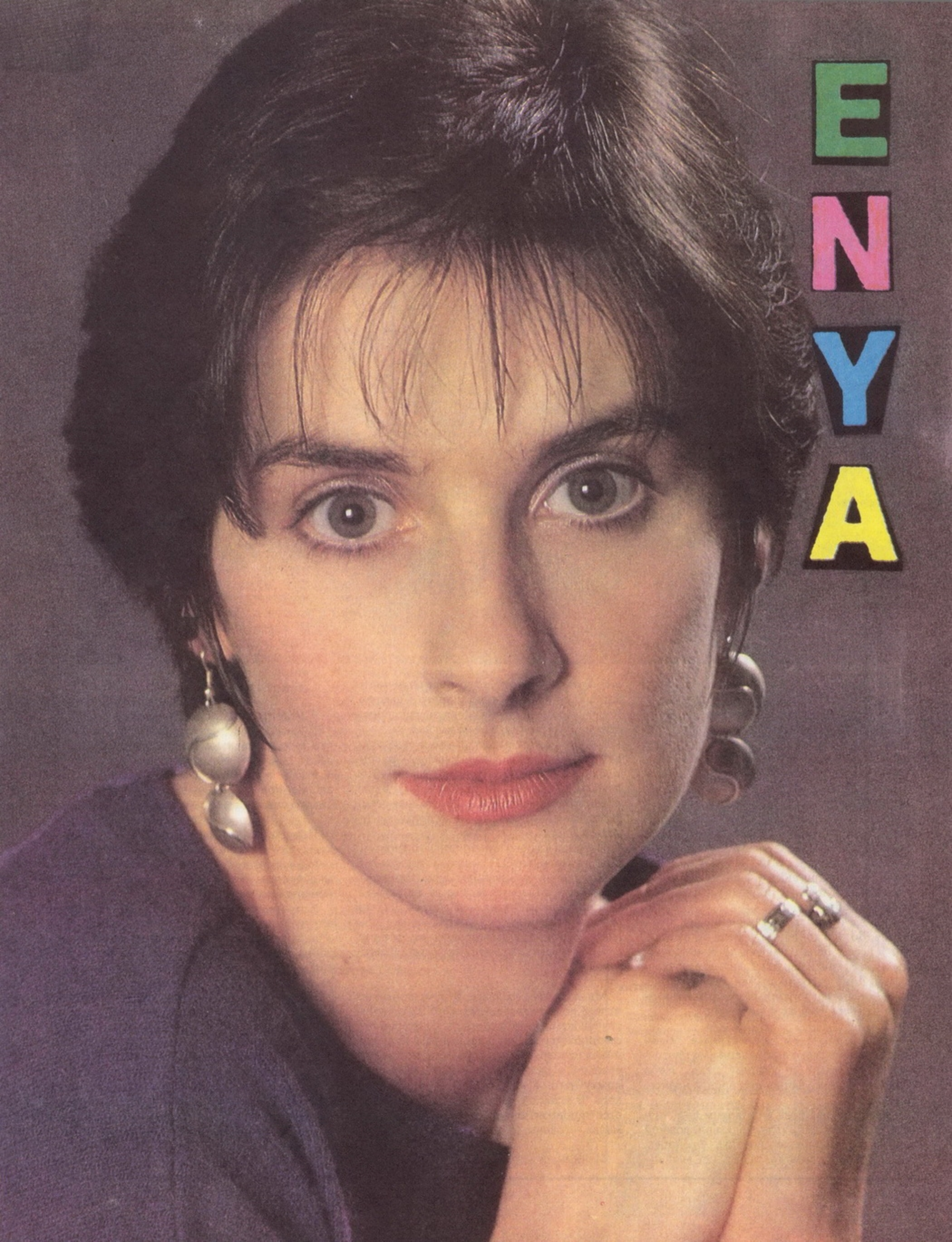
что ему нечем здесь заняться, и чувствую себя виноватым. Но я не хочу развлекать его разговором. Мне противно говорить. Я словно под стеклянным колпаком: я все вижу и слышу, но все — далеко, не реально.

Прошлой ночью я размышлял: а что, если меня действительно вылечат? Наступит день, и я буду абсолютно здоров? Я подумал, что это ужасно. Я не готов к жизни. Я приготовился умереть.

Я хочу уметь смеяться. Но даже если вдруг по какому-то волшебству я выздоровлю, я уже не смогу воспринимать мир прежним. Все мои представления окажутся под сомнением. Каждый раз мне придется решать, какой выбор сделать.

Я словно надеюсь, что особая терапия доктора Рока освободит меня от всего того, что мучило меня всю мою жизнь: неуверенности, страха, незащищенности. Я хочу освободиться от болезни — я хочу быть свободным. Наверное, в глубине души я надеюсь, что доктор Рока излечит меня от себя самого? Я жду...

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

E
N
Y
A

N «NEW ORDER» («Нью ордер»), группа «Новый порядок» образовалась в 1980 г. в Великобритании. Состав: Бернард Самнер, вок., гит., клав.; Джиллиан Гилберт, гит., клав.; Питер Хук, бас; Стивен Моррис, уд.

Когда весной 1980 г. лидер «Joy Division» Иэн Кертис покончил с собой, многие восприняли это как трагедию исторического масштаба: казалось, эта потеря означает гибель целой ветви рок-музыки. Трое оставшихся участников группы рассудили иначе — пригласив в состав Дж. Гилберта, они уже осенью того же года снова отправились в студию. Первые синглы «Н. о.» — «Ceremony» (март 1981, 1-е место в инди-чартс) и «Everything's Gone Green» (октябрь 1981, 1-е место в инди-чартс) — а затем и дебютный альб. (записанный, как и все пл. «Joy Division», с продюсером Мартином Хэннетом) покорили не только старых поклонников «Joy Division», но и критиков, предрекавших бесславный провал новой группы. Таким образом, ансамбль не только «возродился из пепла», но и вошел в 80-е в первых рядах альтернативного рока.

Чтобы избежать невыгодных для себя сравнений с покойным лидером, Б. Самнер (он же Альбрехт, он же Динкен) отвел вокальную линию на задний план и сконцентрировал все внимание на строительстве качественно нового — на редкость монотонного, но по-своему впечатляющего, — «электронного» фундамента. Быстро высветлилось и непроглядно черное поэтическое «полотно» «Joy Division» — на его месте отчетливо проступила все еще мрачная, но уже достаточно яркая эмоциональная гамма. Взятый на вооружение Б. Самнером метод «автоматического письма» превратил тексты группы в запутанный, но увлекательный психоанализ.

Следующий мини-альб. был составлен из пяти вышедших в 1981-1982 гг. синглов. Был тут мини-шедевр «Temptation» и свой мини-конфуз «Confusion» (группа и продюсер, понадеявшись друг на друга, выпустили нечто такое, что идеально отвечало своему названию). Как ни странно, в пл. не вошел классический сингл «Н. о.» «Blue Monday», не вышедший из независимого хит-парада 148 недель — сингл разошелся по миру тиражом более 2 млн. и, как считают специалисты, во многом предопределил саунд 80-х гг. Теперь его можно найти лишь на нассетном варианте третьего альб.

«Власть, коррупция и ложь» — безусловно, сильнейший диск «Н. о.», — произвел такое впечатление на Куинси Джонса (к тому времени уже почти достигшего вершины и продюсерской славы), что он тут же переиздал его в США на своей собственной фирме Qwest. Здесь же был выпущен и амер. вариант четвертого альб., признанный по результатам опроса ведущих музыкальных изданий США одной из лучших работ 1985 г. Этот диск получился мягче, эклектичнее, но в целом, несмотря на множество самых парадоксальных звуковых и композиционных открытий, бледнее предыдущего. Он вошел в Top 5 британского хит-парада, а синглы «The Perfect Kiss» и «Sub-culture» надолго оккупировали вершину инди-чартс.

Гигантскую пропасть между пост-«дивизионным» мраком и сверхающей танцевальной сценой «Н. о.» преодолели в два прыжка, но первый — альб. «Братство» — едва не оказался и последним. Лишь спустя два года яркий, ровный и мощный диск «Technique» окончательно вывел группу в лагерь музыки «техно» и «хауз». Предшествовавший ему сборник «Substance» ознаменовал полное и окончательное покорение амер. поп-рынка. Однако к началу нового десятилетия все участники «Н. о.», напуганные в целом успешным, но чрезвычайно напряженным и нервным всемирным турне, длившимся почти год, разбрелись в разные стороны и занялись индивидуальными творческими проектами.

Так Б. Самнер вместе с Джоном Марром (экс-«The Smith») и эпизодически подключающимся Нейлом Тенантом из «The Pet Shop Boys» организовали «Electronic» — группа вошла в национальный хит-парад с синглами «Get The Message» (май 1991, 8-е место) и «Dissappointed» (июнь 1992, 6-е место). Питер Хук собрал мрачноватую электронную команду с характерным названием «Revenge», а двое других музыкантов — группу «The Other Two», которая выпустила превосходный сингл «Tasty Fish», и в феврале 1992 г. дебютировали в хит-параде альбомов.

«Н. о.» официально не заявляла о распаде — более того, в мае 1990 г. гр. «случайно» собралась и вместе с членами сборной Англии по футболу записали сингл «World In Motion», 5 недель возглавлявший хит-парад, — однако совершенно ясно, что долгая и славная история этой группы подошла к концу. Пл.: Movement, 1981; 1981-82, 1982 (mini LP); Power, Corruption

• Рок - Энциклопедия Ровесника •

And Lies, 1983; Low-Life, 1985; Brotherhood, 1986; Substance, 1987 (сборник); Technique, 1989; BBC Radio 1, Live in Concert, 1992 (Live LP — запись 1987 г.).

группа «Revenge»: One True Passion, 1991.

группа «The Other Two»: The Other Two, 1992.

группа «Electronic»: Electronic, 1990.

«NEW RIDERS OF THE PURPLE SAGE» («Нью райдерз оф зе перпл сейдж»), группа «Охотники за пурпурным шалфеем» — это слегка измененное название романа Зейн Грей — образовалась в 1969 г. в США.

Исходный состав: Джон «Мармадюк» Доусон, гит., вок.; Дэвид Нелсон, гит., вок.; Джерри Гарсиа, гит.; Мики Харт, уд.; Фил Леш, бас.

Любители «нового американского саунда» по одному лишь составу участников группы поймут, что речь идет о «побочном проекте» «Grateful Dead». А все началось с того, что лидер-гитарист «Grateful Dead» Дж. Гарсиа в 1979 г. приобрел гитару педаль-стил и начал искать кантри-группу, в которой он мог бы использовать ее с максимальным эффектом — так он познакомился с Нелсоном и ведущим композитором будущего проекта Доусоном; чуть позже к ним присоединились еще два музыканта из «Grateful Dead».

С участниками «Grateful Dead» Нелсон и Доусон познакомились еще в 1962 г., когда все они учились в художественном колледже для мальчиков Уайлдвуд. Нелсон стал членом группы «Big Brother», из которой перебрался в калифорнийский коллектив «New Delhi River Band», где играл и Доусон (последний также входил в одну из первых инкарнаций «Grateful Dead», группу «Mother McCree Uptown Jug Champions»).

В 1970 г. новая группа (пока еще под названием «Riders») открывала концерты «Grateful Dead», а к моменту подписания контракта с Columbia Records (1971) превратилась в «Н. р. о. з. п. с.»; тогда же произошел ряд серьезных изменений состава. Как и «Grateful Dead», новая группа ассоциировалась с движением хиппи (со всеми полагающимися ему атрибутами) — в немалой степени имиджу способствовала программная компо-

РРР вне очереди

История «Цыганских баронов» — так переводится название этой группы — началась в первой половине 80-х, когда септет «Los Reyes», состоявший из двух французских певцов фламенко и пятерых их двоюродных братьев цыганского происхождения, записали два превосходных альбома на темы фламенко. Несмотря на некоторые «попсовые» штрихи, диски произвели фурор среди американских любителей средиземноморской музыки. «Но широкая публика не поняла, на кого рассчитана наша продукция, — вспоминает гитарист Ялун «Чико» Бучихи, — и потому решила, что мы — изобретатели какой-то новой музыкальной формы».

Воспользовавшись успехом, «Цыгане» сделали свой саунд еще более аутентичным, введя в инструментарий две акустические гитары и настаньеты, и американские любители — почему-то хард-рока — буквально впали в экстаз и объявили «Gipsy Kings»... «новым явлением тяжелого рока». Сами музыканты не отрицают влияния «The Beatles» и Боба Дилана, что же касается «тяжелого рока», то: «Тогда самый «металлический» гитарист — Пако Де Люсия, а Паваротти — это Аксл Роуз», — прокомментировал достижение своей группы в «непривычном жанре» вокалист Николас Рейс.

GIPSY KINGS

зиция «Panama Red», пробравшаяся почти на самую вершину амер. хит-парада.

Несмотря на мощные концертные выступления с необычными пиротехническими эффектами, пластинки «Н. р. о. з. п. с.» продавались не слишком хорошо, однако прорыв намечился в 1974 г., когда стабилизировался состав, а концертный альб. «Home, Home On The Road» стал «золотым» всего за неделю. Проведя серию выступлений в Европе, во время которых оттачивался хард-роковый саунд, группа тем не менее по возвращении на родину была вынуждена покинуть фирму грамзаписи, руководство которой сочло «несанкционированное изменение звучания» подрывом своей торговой марки. Последовали новые изменения состава, группа подписала контракт с МСА, записала два альб. и вновь лишилась контракта. Ситуация оказалась парадоксальной: публика наконец-то признала «Н. р. о. з. п. с.» и расхватывала пластинки группы, а две звукозаписывающие империи Америки отказывались замечать это и сознательно лишались доходов, что, в свою очередь, подорвало и без того слабенький бюджет группы. «Н. р. о. з. п. с.» отказались от студийной работы и некоторое время выступали лишь в небольших клубах, но финансовая дыра продолжала расти, и в 1981 г. группа официально объявила о распаде.

Пл.: New Riders Of The Purple Sage, 1971; Powerglide, 1972; Gypsy Cowboy, 1973; Adventures Of Panama Red, 1973; Home, Home On The Road, 1974 (Live LP); Brijjo, 1975; Oh, What A Mighty Time, 1975; Best Of The New Riders Of The Purple Sage, 1976 (сборник); New Riders, 1976; Who Are These Guys?, 1977; Marin Country Line, 1978; Feelin' Alright, 1980.

Изменения состава: 1970/71 — Харт, — Леш, + Спенсер Драйден, уд., + Дейв Торберт, бас; 1971 — Гарсиа, + Бадди Кейдж, гит.; 1974 — Торберт, + Слип Бэттин, бас; 1976 — Бэттин, + Стивен Лав, бас.

NEWTON-JOHN, OLIVIA. Оливия Ньютон-Джон. Родилась 26 сентября 1948 г. в Кембридже, Англия. Певица, композитор.

Родившаяся в Англии и получившая образование в Австралии, О. Н.-Дж. сейчас прочно обосновалась в Америке и по всем энциклопедиям классифицируется как амер. певица. Дедом О. Н.-Дж. был знаменитый немецкий физик, лауреат Нобелевской премии Макс Борн, отец возглавлял престижный частный колледж в Мельбурне — именно в этом заведении О. Н.-Дж. организовала свою первую группу «Sol Four», куда

GIPSY KINGS

Рок - Энциклопедия Ровесника

вошли еще три ее одноклассницы. В 16 лет она победила на местном конкурсе начинающих вокалисток и уехала в Англию, где два года работала со своей соотечественницей Пэт Кэрролл. Вскоре у Пэт закончилась англ. виза, и она вернулась на родину, а О. Н.-Дж. вошла в состав проекта Дона Киршнера «Tomorrow», который был организован как попытка британского ответа на группу «Monkees».

Регулярные выступления певицы на Би-би-си в шоу Клиффа Ричарда помогли рекламной кампании ее первого сингла «If Not For You» (автор Боб Дилан), который в 1971 г. стал в Англии седьмым, а в США занял 25-е место. В Англии пользовались успехом и две ее других наверх-вершин (наверх-вершин — исполнение чужой композиции, возможно, в новой аранжировке) — «What Is Life» Джорджа Харрисона и «Take Me Home Country Roads» Джона Денвера. Прорыв на амер. рынок состоялся в 1973 г. с альб. «Let Me Be There», который не только стал «золотым» (заглавная вещь была шестой в амер. хит-параде синглов), но и получил премию «Грэмми» в категории «лучшая певица кантри». Следующий диск также получил «золото», а композиция «If You Love Me Let Me Know» поднялась на первое место в хит-параде синглов.

О. Н.-Дж. переехала в Лос-Анджелес, все ее последующие альб. неизменно становились «золотыми» — стиль певицы несколько напоминал манеру Сандры Ди, хотя чисто музыкально О. Н.-Дж. не попадала ни под одну категорию: в ее аранжировках соседствовали элементы кантри-энд-вестерн, поп-рока и до некоторой степени соул — позже все это было «сцементировано» рок-н-ролльными структурами; имидж певицы становился все более чувственным.

Видимо, из-за такого успеха практически во всех хит-парадах мира и в подавляющем большинстве категорий (поп, соул, кантри, рок и даже ритм-энд-блюз) исполнители, работающие в стиле кантри, сочли версии О. Н.-Дж. «нощунственными», и когда в 1976 г. ей была присуждена очередная «Грэмми» в категории «лучшая певица кантри», многие члены демонстративно вышли из Американской ассоциации кантри-музыки.

В 1978 г. на экраны вышел фильм «Grease» (в нашем прокате «Вазелин») с участием О. Н.-Дж. и Джона Траволты, оказавшийся самой кассовой лентой Америки того года (одна лишь всемирная премьера принесла доход в 150 млн. долларов). Три сингла — «You're The One That I Want» в дуэте с Дж. Траволтой (1-е место в США и Англии), «Summer Nights» (5-е — США, 1-е — Англия) и «Hoplessly Devoted To You» (3-е — США, 2-е — Англия) — получили «золото», а сам саундтрек в течение одного лишь месяца стал пятикратно «платиновым» (до сих пор это одна из самых покупаемых в мире пластинок, наряду с «Dark Side Of The Moon» и «Sgt Pepper's Lonely Hearts Club Band»). Вновь изменился имидж певицы — теперь это уже была не «хорошенькая соседочка», но ярко выраженная «секс-бомба» (этот стереотип зафиксировали и два следующих диска, каждый из которых также стал «платиновым»).

В 1980 г. О. Н.-Дж. снялась в фильме-фантазии «Xanadu», получившем более резкие отклики, но, несмотря на фактический провал ленты, альб. также завоевал «платину» (саундтрек записывался совместно с англ. группой «ELO»). В том же 1980 г. О. Н.-Дж. записала два хит-сингла с К. Ричардом и Энди Гиббом, а в 1983 г. снялась еще в одном фильме «Two Of A Kind» (снова с Дж. Траволтой), который вообще не получил ни одной рецензии в серьезной прессе и был замечен лишь фэнами певицы и ее партнера.

С этого момента происходит очередная смена имиджа — на этот раз незапланированная и от того естественная, «с человеческим лицом»: у О. Н.-Дж. родилась дочь, и с тех пор жизнь ее посвящена исключительно ребенку. Все это очень неожиданно сказало на музыке — теперь это почти что нью-эйдж, с оттенком классики и традиционной амер. эстрады.

И самое последнее сообщение: у О. Н.-Дж. был обнаружен рак груди, но, как утверждают врачи, болезнь выявлена на столь ранней стадии, что жизнь певицы вне опасности.

Пл.: Let Me Be There, 1973; If You Love Me Let Me Know, 1974; Long Live Love, 1974; First Impressions, 1974; Have You Never Been Mellow, 1975; Clearly Love, 1975; Come On Over, 1976; Don't Stop Believin', 1976; Making A Good Thing Better, 1977; Olivia Newton-John's Greatest Hits, 1977 (сборник); Totally Hot, 1978; Grease Soundtrack, 1978; Xanadu, 1980 (1-я сторона — «ELO», 2-я сторона — О. Н.-Дж.); Physical, 1981; Greatest Hits, 1982 (сборник); Two Of A Kind, 1984 (с Дж. Траволтой); Soul Kiss, 1986; The Rumour, 1988; Early Olivia, 1989 (сборник); Warm And Tender, 1989; I Need Love, 1992; Back To Basics: The Essential Collection 71-92, 1992 (сборник).

СУМЕРКИ БОГА

«Душа, не стремись к вечной жизни,
Но постарайся исчерпать, что
возможно».

Пиндар. Пифийские песни (III, 62-63)

Боги не умирают, но если о них забывают, значит ли это, что они были богами не очень могущественными? Стираются воспоминания о Джими Хендриксе, Дженис Джоплин, Джиме Моррисоне, Кейте Муне, за десять с лишним лет поблек образ Джона Леннона, а Эрик Клэптон, которого нарекли богом при жизни, при жизни же как-то незаметно лишился этого титула. Часто ли мы вспоминаем о Бахе? А об Элвисе? Значит ли это, что мы безнадежные эгоисты и пользуемся нашими богами прагматично и меняем их, как только они нам наскучат, или забываем, когда они отойдут в лучший мир? Скорее всего это так, но вряд ли нам стоит посыпать головы пеплом и проклинать собственное убожество, ибо служим мы прекрасной иллюстрацией к теории Монтеня об удовольствиях: наша конечная цель — удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его. И если для этого надо забыть бога, забудем его и создадим нового.

О Фредди Меркьюри мы тоже будем скорбеть недолго. Да и зачем? Самые верные поклонники этого человека, — к которым себя сейчас пока причисляет, наверное, каждый второй из тех, кто когда-либо слышал его голос — и его родные будут ежегодно 5 сентября отмечать день рождения Меркьюри, а 24 ноября — годовщину смерти. Большинство же из нас и не вспомнят о нем в эти дни.

Но это вовсе не означает, что Фредди Меркьюри был посредственным богом — он был полноценным, могущественным божеством с весьма посредственной паствой. И потому достаточно о прихожанах, когда уместнее говорить о пастыре.

Когда пишут об ушедших людях искусства, считается хорошим тоном рассуждать об их предвидении собственной гибели, что нетрудно, поскольку в творчестве каждого из них примеров, подтверждающих эти предвидения, более чем достаточно. Применительно к Меркьюри наиболее цитируемой строкой стала «Who wants to live forever» («Кто хочет жить вечно», одноименная композиция Брайана Мэя из альбома «A Kind Of Magic», 1986 год). И что это доказывает? Что музыканты группы «Queen» были философами, а если верить Цицерону, философствовать — это не что иное, как приготавливать себя к смерти? Но каждый из нас в той или иной мере готов к этому знаменательному событию, и Меркьюри не был исключением.

И почему-то в упор не замечается фраза «I sometimes wish I'd never been born at all» («иногда я желал бы не родиться вовсе», композиция «Богемская рапсодия», автор — Меркьюри, из альбома «A Night At The

Орега», 1975 год) из самой популярной вещи «Queen», с самого популярного альбома. Предвосхищение смерти и нежелание «родиться вовсе» — по-моему, это не те понятия, между которыми можно ставить знак равенства. И если я прав, то именно мысль «какого черта я вообще здесь болтаюсь» во многом — если не полностью — объясняет абсурд, который Меркьюри возвел в абсолют и из которого сделал кредо своей жизни — он жил, всячески презирая этот процесс.

«Фредди был самым выдающимся исполнителем театрального рока, его вклад в это искусство не оценим, — говорит Дэвид Боуи, работавший с Меркьюри («Queen») над их совместным хитом 1981 года «Under Pressure». — Он заставил театральный рок сделать шаг через край пропасти... Я лишь раз видел его на концерте... Этот человек владел искусством общения с аудиторией, он кормил публику с ладони, как воробьев. И даже клише он мог заставить работать на себя».

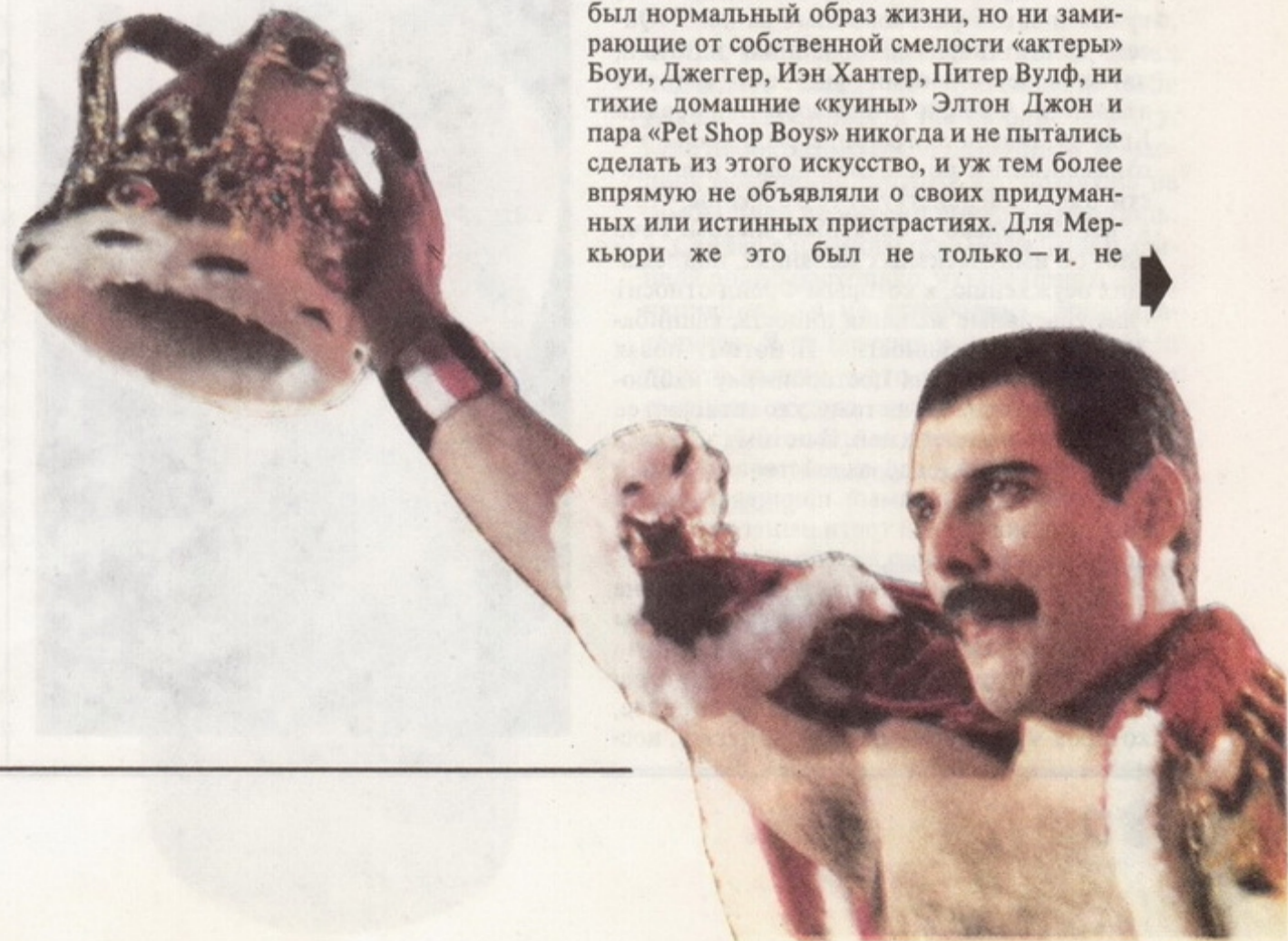
Жизнь на краю — это изречение тоже стало клише. Жизнь на краю — это красиво, ну захотелось кому-то пожить на краю, вот он и пожил. Боуи сознательно избегает этого штампа, заменяя его другим, «шаг через край»: одно дело, когда есть возможность отойти, просто шагнуть назад, но если этот шаг сделан в другом направлении, через край, это говорит о сознательности действия. А мы, прагматики и рационалисты, обожаем слагать оды героям и всевозможным «соколам». Во времена Хендрикса и Моррисона люди еще не знали о наркотиках того, что знаем мы, очень многие самым добросовестным образом заблуждались, считая их новой манной небесной, ключами к вечному блаженству, и с этой верой уходили навсегда. В отличие от Меркьюри, ко-

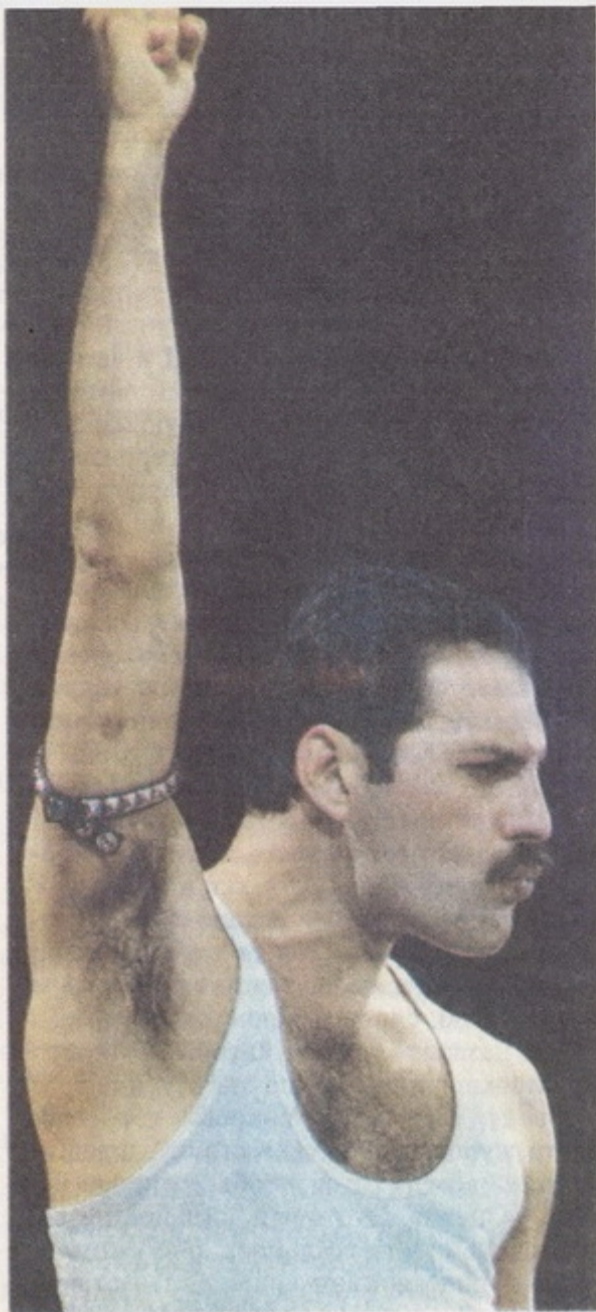
торый понимал, что такое СПИД и чем он рискует, проецируя сценический имидж трансверта и бисексуала на личную жизнь.

И это был не «соколиный» героизм, а всего лишь продолжение — сознательное или подсознательное, нам знать не дано — идеи «жаль, что я вообще родился». И, может быть, поэтому выходы за пределы допустимого, даже разумного — или же, как принято говорить, «излишества» — которыми был славен Меркьюри, имели несколько иной характер и оттенок, чем те «слишком», угробившие Моррисона, Бона Скотта и Джона Бонхэма. Ибо «сумерки безверия», в которых кратчайшей дорогой к смерти шел тот, кто назвал себя в честь посланника богов Меркурия, очень непохожи на сияющие горизонты, за которыми искали счастья беззаветно верившие в себя те же Моррисон, Хендрикс и Бонхэм, плутовавшие по залитым светом путям, словно в кромешной тьме.

Даже название группы, автором которого был Меркьюри, работало на эту идею. В 1977 году, отвечая на вопросы корреспондента журнала «Роллинг стоун», Фредди сказал: «Я всегда хотел, чтобы группа называлась «Queen». Это очень сильное название, очень универсальное, оно моментально привлекает внимание, обладает громадным визуальным потенциалом и может интерпретироваться как угодно. Я прекрасно понимал, что слово имеет и гомосексуальный подтекст, но это всего лишь один оттенок из множества». (Помимо традиционных «королева», «дама», «великолепие» и «ферзь» слово «queen» может означать «гомосексуалиста-мужчину, играющего роль женщины». — Авт.). Меркьюри особо подчеркнул одно из тех «чересчур», из которых была соткана его жизнь. А это «слишком» свело в могилу.

Гомосексуализм в рок-музыке — отдельная тема. Одни играли в него, для других это был нормальный образ жизни, но ни замирающие от собственной смелости «актеры» Боуи, Джеггер, Иэн Хантер, Питер Вулф, ни тихие домашние «куины» Элтон Джон и пара «Pet Shop Boys» никогда и не пытались сделать из этого искусство, и уж тем более впрямую не объявляли о своих придуманных или истинных пристрастиях. Для Меркьюри же это был не только — и, не

столько — способ прощупать «пределы допустимого» общественной морали, но и мощное оружие в борьбе с собственной жизнью. Сценический имидж, сколь бы истинным он ни представлялся, по-видимому, все же вторичен. И не столь важно, был ли он действительно таким или просто играл роль убедительнее других, главное — он сделал ставку на эту карту и блестяще разыграл ее в финале.

Меркьюри не зря отметил визуальный потенциал названия своей группы — в результате намеренного балансирования «на краю» и затем рокового шага за него «Queen» стали творцами новейшей эстетики, двумя краеугольными фигурами которой являются Фредди Меркьюри и Фредди Крюгер. Выход за границы рационального ознаменовался рождением новой реальности, в которой действуют те же законы, что и в нашей, только с обратным знаком. Речь идет об импульсивных желаниях, подлежащих осуждению, к которым Фрейд относит «импульсивные желания инцеста, каннибализма и кровожадности». И потому новая реальность приятна постороннему наблюдателю, но отнюдь не тому, кто сотворил ее и постоянно живет в ней. И потому эстетика «двух Фредди», — где задействован самый впечатляющий и самый привлекательный видеоряд последней трети нашего века, где до запретного можно дотронуться, где притягательна извращенность и омерзительна нормальность и где чудовища уходят в сны разума, — обрекла одного из них на вечную месть всем, другого — на месть самому себе. Два «сверх-Фредди» слились в одно целое, которое может все — изумлять, пугать, вос-

хищать, вызывать отвращение — и не может только одного. Жить.

«Посмотрите на меня и ужаснитесь, и положите перст на уста». Следовал ли Меркьюри благому совету библейского Иова? И не задумывал ли он свое искусство как назидание, притчу, предостерегая любителей бродить по узким карнизам об опасности этого занятия? Вряд ли. Пройдя по безразличной ему жизни в соответствии с заповедями любимого Ницше, Меркьюри с точностью документалиста констатировал истинность одного из главных постулатов философа: «...в сравнении с другими человек получился хуже, — самое больное и уродливое среди животных, он опасно отклонился от своих инстинктов жизни... Но, впрочем, он и наиболее интересен!..»

Может, это и есть «необходимость и достаточность» Фредди, может, это и есть его истинное предназначение, может, он велик настолько, насколько можно быть великим, и низок, насколько можно быть низким? И как бы ни хотелось ответить утвердительно, дабы польстить настоящим подлецам и негодяям, но нет — он, может быть, и низок, но иначе, чем вы, и потому недосыгаем даже в пропасти, куда вам путь заказан.

И где-то там, за чертой, снова поет Фредди Меркьюри, но он никогда не «попадет» в барабаны Джона Бонхэма, гитару Джими Хендрикса и не совпадет его вокал с криком Джима Моррисона.

P.S. Наше ТВ полюбило сейчас повторять старые записи «Куин» и Фредди Меркьюри. Меня особенно потрясает запись 1991 года: сейчас, пост-фактум, я уже вижу «маску смерти» на лице его, он уже знает все, что с ним случится, он знает, что обречен — и поет, поет, поет. Шоу должно продолжаться.

Сергей КАСТАЛЬСКИЙ

Начинается все довольно невинно. Вы пришли на вечеринку: играет музыка, царит веселье, время летит незаметно — и тут кто-то из друзей протягивает вам стакан. Вы берете его — в конце концов, все вроде бы пьют, чего особенного?

Итак, что тут особенного? Мы предлагаем вам исповеди двух подростков — историю их борьбы. Возможно, испытания, через которые им пришлось пройти, заставят вас задуматься.

История первая, рассказанная Биллом

Впервые я выпил, когда мне было всего десять лет. Напротив нашего дома жил мальчишка, отец которого очень любил пиво. Он все приговаривал, как это вкусно. Мы тоже решили попробовать, и мой приятель стащил у отца банку пива — она была такая красивая, «взрослая». Для нас это было забавой, новой интересной игрой. Так, ни с чего, и началось.

Я дурел от выпитого: мне казалось, что я все могу, что мне так весело — я хохотал без остановки. Я рос и пил все больше и больше. Мы с друзьями перешли на вино, на дешевую, но, как нам казалось, очень вкусную клубничную наливку. Мы были еще совсем детьми, но нам всегда удавалось раздобыть что-нибудь выпить. Скоро я начал прогуливать школу. Мы шли с приятелями ко мне домой — мои родители оба работали, — и пили наперегонки.

Мама никак не могла сообразить, что же со мной происходит. Старшая сестра сказала ей, что я пью. Но мама была убеждена, что у меня скорее типичные подростковые проблемы — «трудный возраст». Поэтому она отвела меня к психологу, специализирующемуся на подростковых проблемах. Курс занял месяц. Психолог спрашивал: не думаю ли я, что все дело в выпивке? Я, конечно же, ответил «нет». Первый признак алкоголизма — яростное его отрицание.

После бесед с психологом я не пил девять месяцев, и поэтому подумал, что я — не алкоголик, так что если я даже немного и выпью, со мной ничего не случится. И вот так снова начал понемногу выпивать. Но я не сознавал, что со мной происходит. Внешне было все прекрасно. Я опять хорошо учился, играл на флейте в оркестре, я был прямо-таки «сто процентным американским мальчиком» — только вдобавок еще и пил.

Алкоголь придавал мне уверенность в себе — и потому мне его не хватало, я нуждался в нем... А потом, чтобы сбежать от себя, я сбежал из дома.

Я отправился к своим друзьям в Огайо. Их мама позволила мне остановиться у них, потому что ей нужна была помощь по дому. Она устроила мне прекрасный

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

прием и выставила мне и своим сыновьям две упаковки пива, приговаривая: «Подростки всегда останутся подростками».

Я чувствовал себя очень плохо — я скукал по дому, по маме и хотел забыться. Поэтому я ужасно напился.

Я настолько перебрал (помимо пива, у нас было еще виски), что чуть не умер в ту ночь.

Наконец я сказал себе: «Я не хочу больше так жить». Я терял себя, терял то, во что верил. Я позвонил матери. Она сказала, что если я хочу вернуться, то должен сам придумать, как это сделать. Она знала, что я должен помочь себе сам, и, видимо, я тоже начал это понимать. Поэтому я позвонил по телефону «Горячей линии для убежавших подростков», и они помогли мне добраться до дома. Я потратил на дорогу четыре дня и все это время не пил, что было не так-то просто.

Мама встретила меня на автобусной остановке и отвела в лечебный центр «Новые начинания». Идти туда я не хотел, но она не позволила мне вернуться домой.

В этом центре у меня появился еще один шанс разобраться в своих поступках. Первый шаг на этом пути: признать, что ты — безвольное существо, и именно из-за алкоголя ты не в состоянии контролировать количество выпитого и его влияние на твой организм. Когда я на собрании общества «Анонимные алкоголики» встал и сказал: «Я — Билл, и я — алкоголик», мне показалось, будто гора с плеч свалилась. Я смог избавиться от того, что отрицал все время. Отрицая свой алкоголизм, я как бы закупоривал свои чувства, и, наконец, смог дать им выход.

Я научился понимать, что не могу пить как нормальный человек. Не знаю, может, это потому, что мой отец — алкоголик, и болезнь передалась мне по наследству, а может, я просто пользовался спиртным для того, чтобы убежать от своих проблем. Но так же поступал в свое время и мой отец.

Так или иначе, я не притрагиваюсь к алкоголю уже полтора года. Как только я покинул центр «Новые начинания», я сразу же нашел себе работу. На шестом месяце трезвости я купил машину — дедушка одолжил половину денег, но я уже вернул ему все до последнего цента. Сейчас я учусь в медицинском училище и мои мечты потихоньку сбываются. Это было нелегко, но я не пью, и мне спокойно.

История вторая, рассказанная Хизер

Я была чуть ли не образцовой девочкой. Училась прекрасно, с плохими

Элизабет КАРЛСБЕРГ,
американский психолог

мальчиками, которые пьют пиво и шлятся неизвестно где, не дружила. В шумных компаниях я всегда испытывала неловкость — сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, я вижу совсем другого человека.

Впервые я напилась в шестнадцать лет, когда поехала к подруге, которая училась в колледже в штате Вирджиния.

Мы с ней принарядились и отправились на студенческую вечеринку. Все девочки, с которыми я только что познакомилась, куда-то пропали, и я чувствовала себя очень одинокой. В полумраке грохотала музыка, и со страху я выпила.

Однако первая порция не помогла избавиться от неловкости, поэтому я выпила еще — ром с содовой. И понеслось... Я пила и пила. Последнее, что я помню, — как куда-то поехали стены и меня стало тошнить. Девочки, с которыми я была

едва знакома, вынуждены были тащить меня в общежитие. Им пришлось раздеть меня и уложить в постель. Хорошенькое первое впечатление я произвела, верно?

Ну, конечно, когда я утром проснулась, мне казалось, что я умираю. Я собиралась все рассказать родителям, но было стыдно. Вплоть до выпускного вечера я не брала в рот спиртного: этот первый опыт меня испугал. Зато потом...

Теперь, когда я занялась терапией, я вынуждена разобраться в своих отношениях с алкоголем: я пью, чтобы чувствовать себя более уверенно. Одного стакана мне для этого не хватает, после двух я говорю себе: «Ну, вот теперь все нормально», однако продолжаю пить, не останавливаясь. И тогда веду себя просто ужасно — например, заигрываю с парнями направо и налево...

Говорят, алкоголизм — прогрессирующее заболевание и передается по наследству. Моя сестренка пьет редко, но, выпив всего один стакан вина, страшно пьянеет. Наутро она все еще чувствует себя пьяной. Мой отец был алкоголиком, поэтому я уверена, что у меня генетическая предрасположенность.

Я очень много читала об этой болезни. Когда алкоголикам удается вылечиться, они говорят: «Я всегда чувствовал себя человеком либо крайне одиноким, либо гораздо выше других — но это тоже форма одиночества». В старших классах я была звездой — круглой отличницей, возглавляла всевозможные клубы. Я никогда не была «одной из многих», вероятно, одноклассники воспринимали меня какой-то особенной девушкой, мне же казалось, что я для них — чужая.

Выпив, я как бы становилась такой, как все, и вроде бы вела себя так же легкомысленно, как остальные девочки. А это было для меня важно. Мне казалось, что, чтобы стать спокойнее и увереннее в себе, необходимо выпить.

Но со временем алкоголь, вместо того, чтобы, как я думала, освободить, начал подавлять меня. Я чувствовала себя ужасно. И решила: я так больше не могу. Мне необходимо было разрушить эту модель поведения, потому что алкоголь на самом деле не уносил внутреннюю боль.

Сейчас я немного поумнела, или поумнела ровно настолько, чтобы понять, что, напившись, я не становлюсь привлекательнее. Я не веселая и не остроумная, а просто пьяная, а это так некрасиво. Но я слишком дорого заплатила, чтобы это узнать. И в конце концов решила, что я больше не позволю алкоголю разрушать мою жизнь.

Перевела с английского
Н. ПАВЛОВА

ГОВОРЯТ, СОБАКИ НЕВЕРОЯТНО ПОХОЖИ НА СВОИХ ХОЗЯЕВ, но те, кто пошел на Птичий рынок, чтоб купить себе щенка, должны знать несколько правил, помогающих обрести хорошего, здорового друга.

1. Не покупайте собак у незнакомых людей, но если уж щенок очень понравился, то потребуйте, чтобы вас познакомили с его мамой. Убедитесь в том, что щенята появились в здоровом доме.

2. Узнайте координаты ветеринара, который наблюдал за родителями вашего любимца.

3. Расспросите продавца о замеченных им привычках малыша и вообще убедитесь в том, что продавец — человек, обеспокоенный судьбой того, кого он вам предлагает. Лучше даже договориться с продавцом, чтобы он временно придержал у себя звереныша, пока вы не осмотрите его вместе с ветеринаром.

И последнее: помните, что, приобретая щенка, вы берете на себя колоссальную ответственность. Можете ли вы создать ему соответствующие условия? Как известно, собака бывает кусачей только от жизни собачьей...

ЧТО У ВАС, ДЕВЧАТА, В РЮКЗАКАХ? Известно, что в дамских сумочках могут храниться вещи самые неожиданные и невероятные. И, оказывается, по содержанию сумочки можно определить, к какому типу относится ее обладательница.

Тип первый: красавица. Эта уверена, что ее через минуту непременно пригласят на бал. Поэтому: семь тюбиков губной помады и три набора теней и румян. Лосьоны, ватки, кремы. Бигуди и щипцы для завивки. А в кошельке только мелкие купюры — расплачиваться за посещения дамской комнаты.

Тип второй: спортсменка. Купальник, две пары носков на смену, пара маек, леггинзы для аэробики, полотенца, коробки витаминов, мешок с травами для чая, пакет с морковкой и гантели. В кошельке — деньги на штрафы за джоггинг в неположенных местах.

АМЕРИКАНЦЫ ЧАСТО НАЗЫВАЮТ «ФАСТ ФУД» — еду быстрого употребления — еще и «джанк фуд», пищевым хламом, т.е. той едой, которая хоть и вкусна, но отнюдь не полезна. Но от такой пищи остаются и упаковки, которые активно загрязняют окружающую среду. Любимый многими нашими подростками «Макдоналдс» несколько лет назад столкнулся с очень серьезными протестами защитников среды — дело в том, что период гниения пластиковых коробочек, в которые упаковывалась еда, поглощаемая за несколько секунд, длится... несколько столетий. Школьники — тот слой населения, который максимально обеспокоен сохранением природы и который составляет основную часть потребителей «Макдоналдса», проводили пикетирование закусочных. Руководство компании маялось. И нашло выход — теперь посетители пользуются бумажными пакетами, которые и тому же еще и дешевле. Однако защитники природы на этом не остановились: они обратили пристальное внимание на то, куда закусочные девают отходы от приготовления пищи. И здесь «Макдоналдс» нашел выход: создал специальные компостные ямы, которые поначалу потребовали затрат, но теперь даже стали приносить прибыль. Так в чем мораль сей истории? А в том, что жить чисто — выгодно.

ИСТОРИКИ МОДЫ ВКУПЕ С ЭКОНОМИСТАМИ ЗАМЕТИЛИ ОДНУ ЛЮБОПЫТНУЮ ДЕТАЛЬ: длина юбок зависит от экономического положения на данный момент. В периоды расцвета они укорачиваются, в периоды спадов — удлиняются. И если судить по нынешней моде на юбки, то сегодняшний экономический спад в развитых странах все же вряд ли перейдет в глубокий кризис: юбки-то длинные, но зато во-от с таким разрезом!

«Я с трудом могу заставить себя слушать наши старые песни, но с большим воодушевлением исполняю их на сцене».

Марк Нопфлер

«Я реже меняю носки, чем Мадонна — лифчики».

Дэвид Боуи

«Я-то против насилия. Меня буквально силой заставляют сниматься в таких фильмах».

Жан-Клод Ван Дамм

КИНЕМАТОГРАФИСТЫ НАЗЫВАЮТ НЕМЦЕВ «САМОЙ ЛЕНИВОЙ НАЦИЕЙ НА СВЕТЕ» — потому что в Германии исторически не признают фильмов с субтитрами или с закадровым чтением перевода: все, абсолютно все должно быть дублировано! И существуют целые дубляжные фабрики, которые, однако, могут вскорости оказаться банкротами: публика все чаще хочет слышать настоящий голос Алена Делона или Марлона Брандо (на снимке вы видите Кристиана Брюкнера, который «одалживал» свой голос не только Делону и Брандо, но также Майклу Йорку, Уоррену Битти, Роберту Де Ниро, Франко Неро и многим другим звездам). Более того, наиболее ревностно относящиеся к своим детищам режиссеры лично хотят убедиться в том, что голоса немецких актеров соответствуют голосам их героев. «Актер дубляжа, словно шпион, проговаривается лишь раз, и тогда ему конец. Потому что зритель даже не должен замечать, что фильм дублирован», — таково мнение специалистов. Они же полагают, что плохим дубляжем можно испортить даже самые замечательные фильмы — впрочем, в этом в последнее время мы тоже убеждаемся.

ИЗ ЧЕГО ДЕЛАЮТСЯ «СЛИВКИ ОБЩЕСТВА»? Парижское агентство по маркетингу «Аппер» провело серьезное исследование, дабы узнать, каковы нынче вкусы самых богатых. Было опрошено 800 семейств Европы: какую одежду носят богатые, что они пьют, на каких стульях сидят — и вообще, по какому поводу плачут.

И выяснилось, что у старых богачей предпочтения резко отличаются от вкусов богачей новых. Во-первых, образ избалованного ленивца давно отошел в прошлое: эти люди все, как правило, работают, и работают по-настоящему. Во-вторых, одеваются в престижных, но консервативных домах мод и тщательно избегают всего, что можно считать «писком» моды. В-третьих, дамы никогда не носят фамильных драгоценностей — это считается дурным тоном. В-четвертых, стараются избегать шумных сборищ вроде балов и презентаций. В-пятых, ведут себя крайне демократично (вроде монашеской принцессы Каролины, которая, обежав близлежащие магазины, сама забирает сына из школы). А если уж плачут — то не на публике, а взаперти. По крайней мере, об этом они интервьюерам ничего не говорили (видимо, потому всех так раздражают слухи о скандалах в королевском доме Великобритании).

Короче, богатые стремятся «не высываться»: в конце XX века это как-то не престижно!

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Наташа Татю, французская журналистка

Один французский чиновник, занимающийся проблемами нелегального въезда в страну китайцев, как-то сказал: «Они (китайцы) полагают, что даже самый бедный парижанин купается в деньгах и счастлив. Они прямо говорят, что если они будут жить даже чуточку хуже, чем самый бедный француз, они будут жить жизнью, достойной человека». В статье молодой французской журналистки нет ни слова об иммигрантах. Это ироничный рассказ о том, как могут расходиться с реальностью наши представления о «магическом мире», в который вот только бы попасть...

Мри часа ночи. Спят Спящая Красавица, Летающие Слоны и Пираты Южных Морей. Промерзшие до мозга костей, в строительных касках, сдвинутых на затылки, мы привыкаем к роли семафоров при каруселях. Одна рука на уровне груди, чтобы вращать карусель, другая наготове, чтобы ее остановить. Стоп-вперед, стоп-вперед... Карусель вертится. «Магию — своими руками», — твердили нам на протяжении недели.

«Войдите в волшебный мир Диснея», — они и это все время повторяли. Вот только волшебный ли это мир в действительности? Если верить прессе, рассказывающей об увольнении из Диснейленда троих служащих, отказавшихся сбрить усы, то мир этот и в самом деле не без причуд. Прочитав же тринадцатистраничную брошюру для поступивших на работу, начинаешь обливаться холодным потом: «...Внешний вид каждого работника должен способствовать восприятию посетителями Представления, а не отвлекать их от него. По этой причине все, что может быть расценено как отвлекающее или же просто не отвечающее интересам Представления, запрещается».

Обязательным условием является «классическая» стрижка и чисто выбритое лицо. Волосы не должны закрывать уши. Бакенбарды не должны быть длиннее мочки уха, форма — естественная. Прочие виды бакенбардов не допускаются. Ношение усов и бород запрещено. Шиньоны и парики разрешается носить только после

предъявления администрации медицинской справки о необходимости их ношения.

Вы обязаны поддерживать соответствующий вес.

Обязательно использование дезодорантов и других средств против пота. Не рекомендуется пользоваться лосьонами после бритья с резким запахом. Не возбраняется пользоваться легкими одеколорами...

Ну как вам, мужчины? На мой, женский, взгляд, вам остается сказать спасибо за то, что за перспективу сыграть Микки-Мауса после того, как вас подстригли, обрили усы и бороду и насильно остригли ногти, не заставляют маршировать на плацу и преодолевать полосу препятствий! Впрочем, я напрасно хорохорюсь, потому что для служителей культа мультипликационных мышек разница между мужчинами и женщинами, как оказалось, невелика.

Мое погружение в «магический мир» началось в башне из металла и стекла. Не найти его невозможно — все близлежащие дороги, ведущие в Центр по набору персонала Евродиснейленда, щедро снабжены указателями. Двери нараспашку, и атмосфера соответствующая. Гвардия Микки ждет тебя! Широкая улыбка, вопрос: «Какую работу предпочитаете? Хозяйка аттракциона? Замечательно. Есть у вас два часа?» Центр по набору персонала работает отлаженно, как машина, шесть дней в неделю. Диснейленду нужно набрать 12 000 человек.

Вместе со мной в очереди сгрудились около пятидесяти претендентов. Ждем уже порядочно. По видео показывают рекламный ролик о профессиях на выбор. Публика весьма разношерстная: чиновник, седеющий малаец в цветастом халате, юная уроженка Антильских островов... Трех из четверых после первого же собеседования укажут на дверь. Здесь буквально понимают слова «встречают по одежке». Им и анкету заполнять не придется. А в анкете просят сообщить возраст, образование, стаж и желательный размер зарплаты. О, желательный размер!

В рекламном видеоролике тем временем кривляющийся клоун, сопровождаемый пухленькой девушкой, слоняется по «магическому миру» в поисках роли, которая переменит его

жизнь и принесет счастье, радость и благополучие, стоит ему только принять диснейлендовские правила игры — пунктуальность и внимание к безукоризненности внешнего вида. Дождь, снег, забастовка мусорщиков — клоун все равно прыгает на свой велосипед: «Публика не ждет». А плата? Обещают 6-7 тысяч франков в месяц плюс двадцатипроцентную скидку на всю продукцию диснеевских предприятий, восьмипроцентную скидку на транспортные средства фирмы «Рено» и скидки на товары «Филипса» и «Кодака». «Это облегчит вашу жизнь», — объясняют нам.

Видеоролик кончился. Грядет судный час. Повезет ли мне? Я студентка, живу в гостинице, ем в Макдоналдсе, говорю по-английски, последние десять лет ничем серьезным не занималась, разве что совершила кругосветное путешествие. Это, как видно, и подкупило моего экзаменатора, который цитирует примеры из жизни замечательных людей, начинавших в Диснейленде, и провожает в приемную следующего экзаменатора традиционным тут Good Luck, предварительно зачитав мне наизусть «Заповеди Евродиснейленда» для женщин:

«Красить волосы не разрешается.

Длинные волосы должны быть аккуратно убраны с помощью заколок, расчесок или обруча. Эти аксессуары разрешается использовать только с целью придания прическе надлежащей формы, но не в качестве украшений.

Глаза разрешается подводить только коричневым или черным карандашом.

Темно-красный, перламутровый, золотистый и серебристый лак для ногтей не соответствует «диснеевскому стилю». Ногти не должны быть длиннее 7 мм.

Из украшений разрешается носить только маленькие кольца. Кольца можно носить на любом пальце, но не больше одного на руке.

Серьги должны быть небольшого размера и подобраны со вкусом...»

Энергичное рукопожатие, быстрые движения. Изабель, встречающая меня на втором этапе, говорит: «Здравствуйте, Наташа. Как у вас дела? Успокойтесь, недолго вам уже осталось». Еще десять минут — и она предлагает мне контракт на роль категории А в Стране Фантазии, одном из трех парков Евродиснейленда. Моя роль — служанка при дворе Летающего Слона Думбо. «Самый популярный аттракцион в США», — воодушевленно добавляет Изабель. А в контракте ясно сказано, что работа будет без выходных и праздников за далеко не очень желаемые шесть тысяч франков в месяц плюс тринадцатая зарплата. Я подписываю...

Но если вы думаете, что сразу после этого вы можете приступить к исполнению «роли всей вашей жизни», вы ошибаетесь. Даже надлежащим образом подстриженные и с тоненьким колечком на пальце, вы к ней не готовы. Обязательный этап для всех новичков — Диснеевский университет. «Здесь не делают выговоров, — объяснили нам, — здесь обо всем говорят очень мягко. Твоя задача — понять самому. А если нет — укажут на дверь».

И мы, новички, внимательные, как школьники в день 1 сентября, пытаемся понять все, что совсем не мягко разрешает и запрещает нам делать объемистая папка с инструкциями.

Время от времени нарядная, как Золушка во время бала, наша первая учительница допрашивает нас: «Как зовут первого персонажа Диснея? Назовите семерых гномов на французском и на английском. Вы должны знать их так же хорошо, как свои пять пальцев. От этого зависит вся ваша карьера. И знайте, что первая же ошибка может повлечь за собой разрыв контракта», — напоминает она с улыбкой.

Она, определенно, великолепна, эта улыбающаяся, спокойная, полная юмора дама. Но, читая «Справочник по режиссуре Диснейленда», я обнаруживаю, что ни один анекдот, ни одна мысль, выраженная нашей Золушкой, не были импровизацией. Это впечатляет. «Я добилась того, чего хотела, — призналась она мне, когда мы познакомились поближе. — У меня появился опыт, который ценят серьезные фирмы. В США только два места работы служат показателями вашей квалификации: Ай би эм и Дисней», — как оказалось, это тоже слова из брошюры для сотрудников. «Французы недовольны этим, — добавила она, видя мое скептическое выражение лица, — странный мы народ...»

«Когда француза просят улыбнуться, его улыбка всегда выглядит неестественно. Как вы можете сообщать кому-то свой энтузиазм, если он неестественен, выглядит искусственно?» — повторяла нам преподавательница, ведущая у нас актерское мастерство. И мы работали над нашими ощущениями, заряжаясь оптимизмом относительно своего будущего.

Неудивительно, что именно «актриса» подала рапорт о том, что один из членов группы задает подозрительно много вопросов, после чего управляющий встретил меня у проходной словами: «Вы журналистка, мы вас «вычислили», мы не можем оставить вас в фирме».

Наконец-то!

Перевел с французского Антон ДОЛИН

В семь часов я в последний раз вошел в комнату, которую я так любил. Сквозь портьеры спускались сумерки; из глубины струилась белизна мраморных фигур; книги в черных переплетах тихо покоились за переливающимся перламутровым блеском стекол. Святилище моих воспоминаний, где слово впервые стало для меня магическим; где я испытал впервые восторг и опьянение духовного мира! Всегда я вижу тебя в этот час прощания и вижу любимый образ: вот он медленно встает с кресла и приближается ко мне, словно призрак. Только выпуклый лоб выделяется, как алебастровая лампада, на темном фоне комнаты, и над ним развеваются, как белый дым, седые волосы. И с трудом поднимается его рука навстречу моей. Теперь я узнаю этот обращенный ко мне серьезный взгляд и чувствую прикосновение его пальцев, мягко обхватывающих мою руку и усаживающих меня в кресло.

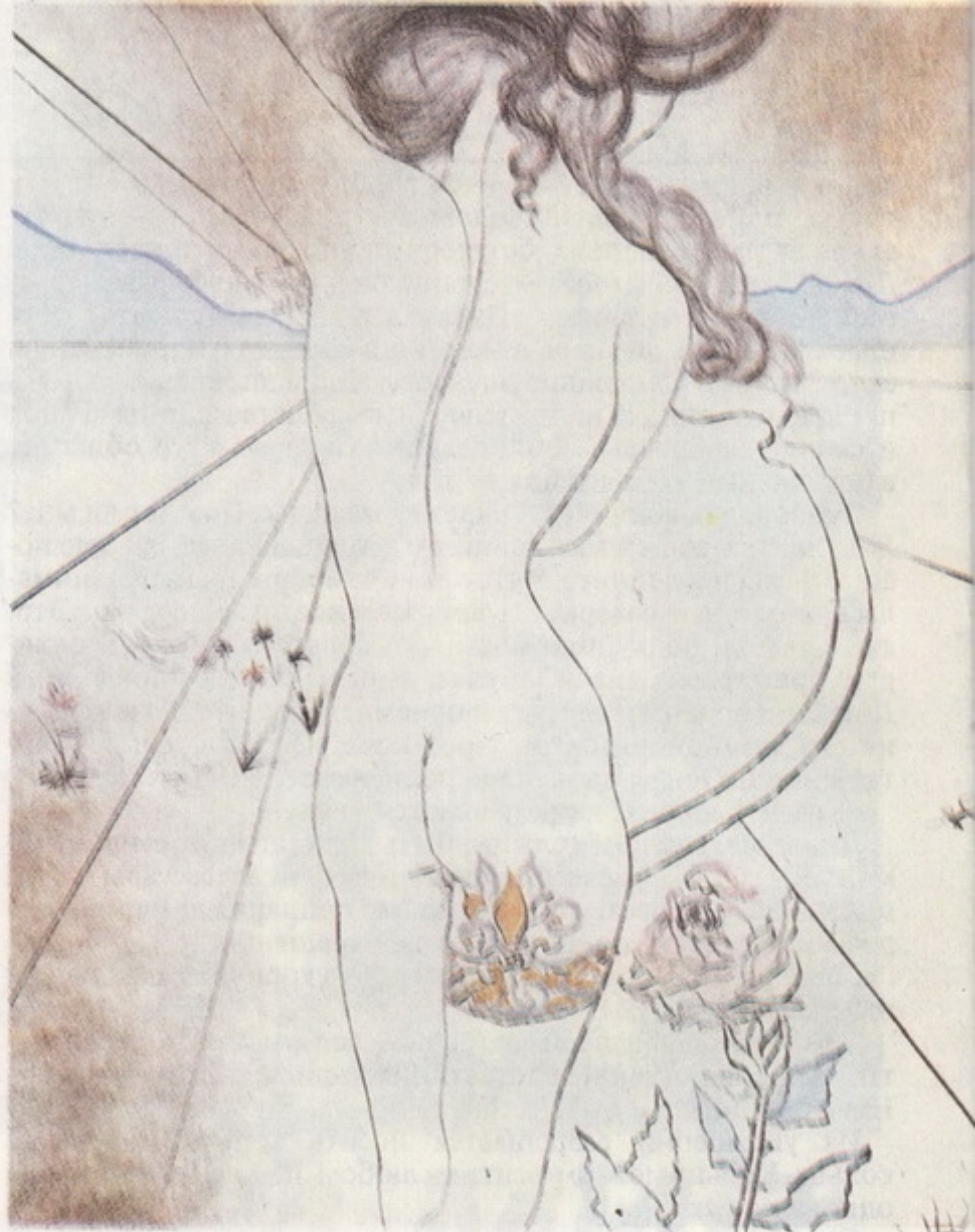
— Садись, Роланд, давай поговорим откровенно. Мы мужчины и должны быть искренни. Я не принуждаю тебя, но не лучше ли будет, если последний час, проведенный вместе, принесет нам полную ясность? Скажи мне, почему ты уходишь? Ты сердишься на меня за нелепое оскорбление?

Я сделал отрицательный жест. Как убийственна была эта мысль, что он, обманутый, чувствует за собой какую-то вину!

— Может быть, я еще чем-нибудь невольно обидел тебя? Я знаю, у меня есть странности. И я раздражал, мучил тебя против своего желания. Я никогда не говорил, как я благодарен тебе за твое участие — я это знаю, знаю; я знал это всегда — даже в те минуты, когда причинял тебе боль. Это ли послужило причиной — скажи мне, Роланд, — мне бы хотелось проститься с тобой честно.

Опять я отрицательно покачал головой: я не мог вымолвить ни слова. До сих пор его голос был тверд; но теперь он слегка вздрогнул.

— Или... я спрашиваю тебя еще раз... тебе рассказали обо мне

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Из записок старого человека

Стефан Цвейг

что-нибудь... что-нибудь, что кажется тебе низким, отталкивающим... что-нибудь... что меня... что внушает тебе презрение ко мне?

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. — вырвалось, словно рыдание, из моей груди: презирать его! Его!

Нетерпение послышалось в его голосе.

— В чем же дело?.. Что же это может еще быть?.. Ты устал от работы? Или что-то другое заставляет уехать?.. Может быть, женщина... не женщина ли?

Я молчал. И в этом молчании было что-то, что открыло ему глаза. Он подвинулся ближе и прошептал совсем тихо, но без всякого волнения и гнева:

— Да, это женщина?.. Моя жена?

Я все еще хранил молчание. И он понял. Дрожь пробежала по моему телу: теперь, теперь, вот сейчас разразится, сейчас он бросится на меня, поколотит, накажет меня... и я почти жаждал этого, я страстно желал, чтобы он побил меня кнутом, меня — вора, изменника, чтобы он выгнал меня, как паршивую собаку, из своего опозоренного дома.

Но удивительно: он остался спокоен... и почти облегченно прозвучали слова, сказанные в раздумье, как бы самому себе:

— Так это и должно было случиться.

Он прошелся по комнате и, остановившись передо мной, сказал почти презрительно:

— И это... это ты так тяжело переживаешь? Разве она не сказала тебе, что она свободна; что может делать все, что ей угодно, что я не имею на нее никакого права... не имею ни права, ни желания что-либо запрещать ей? И почему бы ей поступить иначе? Ты молодой, яркий, прекрасный... ты был нам близок... Как ей было не полюбить тебя... тебя... прекрасного... юного?.. Как ей было не полюбить тебя? Я... — Его голос вдруг задрожал. И он наклонился близко-близко ко мне — так, что я почувствовал его дыхание. И опять я

был охвачен его теплым, обволакивающим взглядом с тем же удивительным блеском, как в те редкие, единственные минуты; все ближе и ближе он наклонялся ко мне. И тихо шепнул, едва шевеля губами: — Я... я ведь тоже люблю тебя.

Содрогнулся ли я? Или невольно отшатнулся? Во всяком случае, изумленный испуг выразился в моей мимике, потому что он вздрогнул, будто от удара. Тень омрачила его лицо.

— Теперь ты презираешь меня? — спросил он совсем тихо. — Я тебе противен?

Почему я не нашел ни одного слова в ответ? Почему я сидел, онемелый, чужой, ошеломленный, вместо того, чтобы подойти к нему, успокоить, утешить его? Но во мне бушевали воспоминания; вот он — шифр к языку этой загадочной смены настроений. Все я понял в это мгновение: порывы нежности и схватки тяжелой борьбы с опасным чувством, его одиночество и тень вины, грозно витавшей над ним; потрясенный, я понял его ночное посещение и озлобленное бегство от моей навязчивой страстности. Он любит меня... Я ощущал ее все время, эту любовь — нежную и робкую, то неодолимую, то с трудом подавляемую; я наслаждался ею, я ловил каждый мимолетно брошенный ею луч — и все же эти слова, так чувственно и нежно прозвучавшие мне из уст мужчины, пробудили во мне ужас — грозный и в то же время сладостный. И горя состраданием, смущенный, дрожащий, захваченный врасплох мальчик, я не нашел ни одного слова в ответ на его внезапно открывшуюся страсть.

Он сидел неподвижно, уничтоженный моим безмолвием.

— Неужели, неужели это так ужасно! — шептал он. — И ты... даже ты не можешь простить мне это... даже ты, перед кем я молчал так упорно, что едва не задохнулся... никогда ни от кого я не тайлся с такой решимостью... Но хорошо, что ты знаешь теперь, это хорошо... так лучше... это было слишком тяжело для меня... невыносимо... надо, надо покончить с этим.

Сколько грусти, сколько стыдливой нежности было в этом признании! До глубины души проникал этот вздрагивающий голос.

Окончание. Начало см. в № 8-11 за этот год.

Мне было стыдно моего холодного, бесчувственного, жестокого безмолвия перед этим человеком, который дал мне так много, как не давал никто, а теперь сидел передо мной — трепещущий, униженный сознанием своей мнимой вины. Я сгорал от жажды сказать ему слово утешения, но губы не подчинялись моей воле, и так смущенно, так растерянно я сидел, согнувшись в кресле, что он, наконец, взглянул на меня почти с досадой.

— Не сиди же, Роланд, как онемелый... Возьми себя в руки... Разве это в самом деле так ужасно? Тебе так стыдно за меня? Все ведь прошло, я признался тебе во всем... давай простимся, по крайней мере, как подобает мужчинам, друзьям.

Но я все еще не владел собой. Он прикоснулся к моей руке.

— Иди сюда, Роланд, сядь ко мне. Мне стало легче теперь, когда ты знаешь все, когда между нами нет недоговоренности. Сперва я опасался, что ты угадаешь, как я люблю тебя... потом я уже надеялся, что ты угадаешь и избавишь меня от этого признания... Но теперь ты знаешь, и я могу говорить с тобой, как ни с кем другим. Ты был мне ближе, чем кто-либо, за все эти годы... ты был мне дороже всех... Только ты, дитя, ты один сумел ощутить мой жизненный пульс. И теперь, на прощанье... на прощанье ты должен узнать обо мне больше, чем всякий другой... Ты один узнаешь всю мою жизнь... Хочешь, я расскажу тебе свою жизнь?

В моем взоре, полном смущения и участия, он прочитал ответ.

— Садись... сюда, ко мне... я не могу говорить об этом громко.

Я наклонился к нему — я бы сказал — с благоговением. Но едва, весь превратившись в слух, я сел против него, как он опустил руку, заслонявшую лицо, и поднялся с места.

— Нет, так я не могу... Ты не должен видеть меня... а то... а то я не смогу говорить.— И внезапно он потушил свет.

Нас охватила тьма. Я чувствовал его близость, его дыхание, с усилием и хрипом вырывавшееся во мрак. И вот встал между нами голос и рассказал мне всю его жизнь.

С того вечера, когда этот замечательный человек раскрыл передо мной, будто морскую раковину, свою судьбу, игрушечным кажется мне все, о чем рассказывают писатели и поэты, все, что мы привыкли в книгах считать необыкновенным и на сцене — трагическим. Из лени, трусости или недостаточной проницательности наши писатели рисуют только верхний, освещенный слой жизни, где чувства выявляются открыто и умеренно, в то время как там, в погребках, в вертепах и клоаках человеческого сердца, разгораются, фосфорически вспыхивая, самые опасные животные страсти; там, во тьме, они взрываются и вновь сочетаются в самые причудливые сплетения. Пугает ли писателей запах гниения, или они боятся загрязнить свои изнеженные руки прикосновением к этим гнойникам человечества, или их взор, привыкший к свету, не различает этих скользких, опасных, гнилью проеденных ступеней? Но для прозревшего ни с чем не сравнима радость созерцания этих глубин; нет для него трепета более сладостного, чем тот, который вызывается этим созерцанием, и нет страдания более священного, чем то, которое скрывает себя от стыдливости.

Но здесь человек раскрыл свою душу во всей ее наготы; здесь разрывалась человеческая грудь, обнажая разбитое, отравленное, сожженное, гниющее сердце. Буйное сладострастие иступленно бичевало себя в этом годами, десятилетиями сдерживаемом признании. Только тот, кто всю свою жизнь провел под гнетом вынужденной скрытности и унижения, мог с таким упоением изливаться в этих неумолимых признаниях. Кусок за куском вырывалась из груди человека его жизнь, и в этот час я, мальчик, впервые заглянул в бездонные глубины земного чувства.

Вначале голос его бесплотно витал в пространстве — смутный угар чувств, отдаленное предвестие таинств; но уже слышалось в нем мучительное заклятие хаотического взрыва — как мощные, замедленные такты, предвещающие бешеную бурю ритма. Но вот из урагана страсти судорожно засверкали образы, постепенно проясняясь. Я увидел мальчика — робкого, замкнутого мальчика, который не решается даже заговорить с товарищами; но страстное физическое влечение толкает его к самым красивым в школе. С гневом встречает один из них неумеренные проявления его нежности, другой издевается над ним в отвратительно откровенных выражениях; но что ужаснее всего: оба они разболтали о его противоестественном влечении. И вот, как по уговору, товарищи подвергают его унижительным издевательствам и, будто прокаженного, единодушно изгоняют из своего веселого общества. Ежедневный крестный путь в школу; тревожные ночи, полные отвращения к самому

себе. Как безумие, как унижительное бремя, ощущает отверженный свою извращенную страсть, раскрывшуюся в мечтах.

Дрожит повествующий голос; было мгновение, когда казалось, что сейчас он растворится во тьме. Но вот вместе со вздохом вырывается он из груди, и вновь вспыхивают в густом дыму призрачные видения. Мальчик вырос, стал студентом. Он в Берлине. Подземный город впервые дает ему возможность удовлетворить извращенное влечение. Но как отвратительны, отравлены боязнью были эти встречи в темных закоулках, в тени мостов и вокзалов! Как бедны наслаждением и как ужасны своей опасностью! Больше частью они кончались унижительным вымогательством, на долгие недели оставляя за собой тягучий след ледящего душу страха. Вечное блуждание между светом и мраком: ясный рабочий день погружает ученого исследователя в кристально-прозрачную стихию духовности, а вечер снова толкает раба своей страсти на окраины города, в сомнительное общество товарищей, которых обращает в бегство каска встречного шуцмана, в наполненные дымом пивные, недоверчивая дверь которых открывается только перед условной улыбкой. И нечеловеческое напряжение воли требуется для того, чтобы скрывать эту двуликость — в течение дня безусловно сохранять достоинство доцента, а ночью неузнанным странствовать по подземельям, отдаваясь постыдным приключениям в тени робко мигающих фонарей. Снова и снова пытается он, измученный, бичом самообладания загнать свою непокорную страсть на путь естественного удовлетворения; снова и снова увлекает его опасный мрак. Десять, двенадцать, пятнадцать лет терзающей нервы борьбы с невидимой магнетической силой непреодолимой склонности проходят, как одна сплошная судорога. Наслаждение, не приносящее удовлетворения, гнетущий стыд и омраченный взор, робко прячущийся перед собственной страстью.

Наконец, уже поздно, на тридцать первом году жизни — насильственная попытка стать на естественный путь. У одной родственницы он познакомился со своей будущей женой: загадочность его натуры пробудила в молодой девушке искреннюю симпатию. Своей мальчишеской внешностью и юношеским задором она сумела на короткое время привлечь к себе его страсть, которую возбуждал до тех пор только мужской полус. Мимолетная связь удалется, сопротивление женскому началу, казалось, преодолено, и в надежде, что таким путем ему удастся победить противоестественное влечение, он спешит бросить якорь там, где впервые нашел опору в борьбе с опасным недугом, и после откровенного признания он женится на молодой девушке. Он уверен, что возврата к прежней жизни нет. Первые недели укрепляют в нем эту уверенность. Но затем быстро настает конец кратковременному увлечению; врожденная страсть повелительно предъявляет свои требования. После непродолжительного сопротивления жена, обманувшая его ожидания и сама обманутая, становится только ширмой, скрывающей от глаз общества возврат к застарелой привычке. И снова спускается он по скользкому пути, на рубеже закона и общественных условностей, в опасный мрак.

И к внутренней смуте присоединяется еще особая пытка: круг его деятельности обращает его влечение в настоящее проклятие. Для доцента, а вскоре — ординарного профессора, постоянное общение с молодыми людьми является служебной обязанностью. Какое искушение — постоянно видеть вокруг себя цвет юности — эфебов невидимого гимназиума¹ в мире прусских параграфов. И — новое проклятие, новые опасности! — все страстно любят его, не замечая скрытого под маской лица Эроса. Каждый из них счастлив, если его рука (с затаенной дрожью) случайно коснется его; они расточают перед ним свой восторг, невольно вводя его в соблазн. Муки Тантала! — опускать руку, когда исполнение страстных желаний, казалось бы, так близко! Вечно жить в непрерывной борьбе с собственной слабостью! Случалось, что кто-нибудь из этих молодых людей слишком неумеренно возбуждал его чувство, силы изменяли ему — и тогда он обращался в бегство. Вот чем объяснялись его внезапные исчезновения, которые так смущали меня. Теперь встал перед моими глазами ужасный путь этого бегства от самого себя. Он отправлялся в один из больших городов, где в укромном месте он находил наперсников. Унижительные встречи, продажные тела, разврат вместо любви; но это омерзение, это болото, это ядовитое противоядие были ему необходимы, чтобы дома, в тесном

¹ Гимназиумы — учреждения для гимнастических упражнений в Древней Греции; эфеб — по-гречески «юноша». — Здесь и далее прим. перев.

кругу студентов, быть уверенным в своем самообладании и в их неведении. Боже, что за встречи — что за призрачные и вместе с тем насквозь человеческие образы! И этот человек, стоящий на вершине духовной культуры, человек, для которого красота форм была необходима, как воздух, этот благородный повелитель чужих чувств должен был подвергаться самым отвратительным унижениям в накуренных, переполненных притонах, куда впускают только посвященных. Он был знаком с наглыми требованиями накрашенных молодых людей с бульваров, знал слащавую интимность надушенных парикмахерских подмастерьев, возбужденное хихиканье травести, кокетничающих в женских нарядах, свирепую алчность бродячих комедиантов, похотливое безвкусие светловолосых кельнеров из трактиров предместья, неуклюжую нежность жующих табак матросов — все эти боязливые, извращенные, фантастические формы, в которых заблудший пол отыскивает и узнает сотоварищей. Все унижения, весь стыд и всякое насилие встретились ему на этом скользком пути: не раз его обкрадывали до последней нитки (он был слишком слаб и слишком благороден, чтобы вступать в драку с конюхом); он возвращался домой без часов, без пальто, осмеянный и оплеванный пьяным товарищем по трактиру. Вымогатели следовали за ним по пятам; один из них выслеживал его шаг за шагом целыми месяцами, садился в аудитории на первую скамью и с наглой улыбкой смотрел на профессора, которому с трудом удавалось связать слова. Однажды, — сердце замерло у меня, когда он говорил об этом, — ночью, в Берлине, в одном из таких баров, он, в числе других, был захвачен полицией; с самовольной, насмешливой улыбкой откормленный, краснощекий вахмистр, обрадовавшись случаю поиздеваться над интеллигентным человеком, записал его имя и звание и, наконец, милостиво объявил ему, что на этот раз он будет отпущен безнаказанным, но имя его будет занесено в особый список. И как к платью человека, проводящего время в трактирах, пристаёт спиртной запах, так постепенно здесь, в его городе, из неизвестного источника распространилась глухая молва, связанная с его именем. Точно так же, как некогда в школе, так теперь в кругу его коллег все холоднее становились слова и поклоны, пока, в конце концов, и здесь не образовалась между ним и внешним миром та же стеклянная, прозрачная стена отчужденности. И при всем своем одиночестве, у себя дома, за семью замками он чувствовал, что его разгадали, что за ним следят.

Но никогда его измученное, исстрадавшееся сердце не испытало радости обладания искренним, благородным другом; ни разу его мощная мужская нежность не встретила достойного ответа. Постоянно ему приходилось делить свое чувство между нежно-томящим духовным общением с юными университетскими товарищами и ласками скрывающихся в темноте ночных наперсников, о которых он не мог вспомнить без содрогания на следующее утро. Никогда не пришлось ему, уже стареющему, испытать чистую привязанность юноши, и, утомленный разочарованиями, с нервами, расшатанными от блужданий в этой тернистой чаще, он замкнулся в себе. И вот еще раз вступает в его жизнь молодой человек, страстно привязавшийся к нему, уже состарившемуся, радостно отдавший себя ему словом и делом. В испуге он смотрел на свершившееся чудо; достоин ли он такого чистого, такого неожиданного дара? Еще раз явился к нему посланник юности — чарующий облик, страстное сердце, пылающее для него духовным огнем, нежно привязанное к нему, жаждущее его любви и не предчувствующее кроющейся в ней опасности. С факелом Эроса в руке, в смелом неведении, подобно глупцу Парсифалю², он наклоняется к отравленной ране. Не зная о волшебстве, не зная, что уже самый его приход приносит исцеление, так поздно, в вечерний час угасания, вошел он в дом, долгожданный, в течение целой жизни ожидаемый.

И, повествуя об этом образе, оживился окутанный мраком голос. Светлые ноты пронизали его. Глубокая, окрыляющая нежность звучала музыкой, когда вдохновенные уста заговорили об этом юноше, об этой поздней, о последней любви. Я дрожал, охваченный его волнением, его восторгом, но вдруг будто молот ударил

² *Парсифаль* — герой средневековой легенды о св. Граале, послужившей темой для музыкальной мистерии Вагнера «Парсифаль». Парсифаль — «святой простец», освободивший из рук волшебника Клингзора «Копье Грааля» или «Копье Страстей» — копье, которым был поражен распятый Христос. Этим копьем Парсифаль исцелил хранителя Грааля Амфортаса, который был наказан отравленной раной за то, что, отдавшись греховной страсти, не сумел уберечь копье от Клингзора.

по моему сердцу: этот пламенный юноша, о котором говорил мой учитель, был я! Будто в пылающем зеркале, я видел свой образ, облеченный горячим блеском неподозреваемой любви — даже отсвет ее обжигал меня. Да, это был я, все отчетливее я узнавал эту настойчивую страстность, восторженную жажду его постоянной близости, безудержный экстаз, не удовлетворяющийся духовным общением; я узнал себя, глупого, буйного мальчика, который, в неведении своей силы, еще раз пробуждает в отрешившемся от жизни богатый источник творчества, еще раз зажигает в его душе факел Эроса. С изумлением я узнал, чем я был для него — я, робкий юноша, навязчивый энтузиазм которого он любил, как самую святую отраду своей старости. И с ужасом я узнал, с какой нечеловеческой силой боролась в нем воля с соблазном: ибо как раз от меня, любимого чистой любовью, больше всего он боялся испытать издевательство, отвращение, содрогание оскорбленного тела. Эту последнюю милость жестокой судьбы он не хотел отдать на поругание чувственным инстинктам. С ужасающей ясностью обнажились передо мной все его загадочные поступки: он хотел во что бы то ни стало скрыть от меня эту тайну Медузы³. Вот почему он так ожесточенно сопротивлялся моей навязчивости, охлаждал мое бурное чувство леденящей иронией, резко заменял интимный тон условной сдержанностью, укрощал нежное прикосновение руки — только ради меня принуждал он себя к суровости, — чтобы отрезвить меня и уберечь самого себя, а ведь все это нарушало мой душевный мир на целые недели. И с той же ослепительной очевидностью я понял эту ночь, когда, не в силах подавить бурную чувственность, он, словно лунатик, подымался ко мне по скрипучей лестнице, чтобы оскорбительным словом спасти нашу дружбу. И, содрогаясь, рыдая без слез, изнывая от жалости к нему, растроганный, в лихорадочном возбуждении, я понял, сколько он выстрадал из-за меня, как героически переносил эти страдания.

О, этот голос, звучавший во мраке! Как проникал он в самую глубь моей души! Таких звуков я никогда больше не слышал: они шли из недосыгаемых глубин; их не знает обыкновенный человеческий удел. Так говорить мог человек только раз в жизни, подобно лебедю, который, по преданию, поет только раз — перед смертью. И этот голос, жгучий, пылающий голос, я принял в душу с трепетом и болью, как женщина принимает мужа в свое лоно.

И внезапно умолк этот голос, и только тьма соединяла нас. Я ощущал его близость — он был от меня на расстоянии ладони. И он почувствовал мое неудержимое желание сказать ему слово утешения.

Но он сделал движение — зажегся свет. Утомленный, старый, измученный, поднялся он с кресла. Медленными шагами приближался ко мне старик.

— Прощай, Роланд... Больше ни слова! Все между нами сказано! Хорошо, что ты пришел... и хорошо для нас обоих, что ты уходишь... Прощай... и позволь мне... поцеловать тебя на прощанье!

Магическая сила толкнула меня ему навстречу. В его глазах ясно светился яркий, обычно затуманенный огонь; он сверкал обжигающим светом. Он привлек меня, его губы жадно впились в мои губы, нервно, судорожно он прижал меня к себе.

На моих губах запечатлелся поцелуй, какого не дарил мне ни одна женщина — жгучий и полный отчаяния, как предсмертный стон. Судорожный трепет его тела передан мне; я содрогался от неиспытанно-грозного, двойственного ощущения: отдаваясь ему всем существом, я в то же время был преисполнен протеста против столь близкого прикосновения мужского тела — тягостное смятение чувств, превратившее краткое мгновение в целую вечность.

Он выпустил меня из своих объятий — будто какая-то внешняя сила оторвала одно тело от другого, с трудом отвернулся и бросился в кресло, спиной ко мне. Неподвижно он смотрел перед собой в пространство. Но постепенно голова его будто отяжелела; она склонялась все ниже и ниже и, наконец, как тяжесть, долго качавшаяся над пропастью, с глухим звуком, внезапно опустилась на письменный стол.

Чувство бесконечной жалости охватило меня. Невольно я приблизился к нему. Но вдруг выпрямилась сгорбленная спина и, отвернувшись от меня, из-за ограды сомкнутых рук он угрожающе простонал:

³ *Медуза* — в греческой мифологии одна из трех горгон — страшных существ, обладавших взором, от которого люди окаменевали.

— Уходи!.. Уходи!.. Не надо... не надо... ради Бога... пощади нас обоих... иди теперь... иди!

Я понял. С трепетом я отступил. Как беглец, оставил я милую комнату.

Никогда больше я не встречал его. Никогда не получал от него ни письма, ни устной вести. Его сочинение не появилось, имя его забыто; никто, кроме меня, его не помнит. И теперь вновь, как не-

когда, еще неопытный мальчик, я чувствую: отец и мать до встречи с ним, жена и дети, после этой встречи, не возбуждали во мне столь глубокого чувства благодарности. Никого я не любил так, как любил его.

Перевод П. С. БЕРНШТЕЙН

А ЕСТЬ ЛИ ДЕД МОРОЗ?

Ответ на все времена на извечный детский вопрос. И только потому, что это существует, наша жизнь наполняется красотой и радостью.

Представь, каким мрачным был бы наш мир, если бы в нем не было Деда Мороза. Не было бы тогда ни Вирджинии, ни веры, ни поэзии — вообще ничего, что заставляет людей жить. От всей жизненной красоты остались бы только отдельные мерцающие огоньки. И померк бы тот свет, который излучает мир, чтобы осветить и согреть детство. Есть, есть Дед Мороз, иначе бы ты никогда не верила сказкам. Разумеется, накануне Нового года ты можешь попросить твоего папу послать людей поймать Деда Мороза. Но никто из них так и не увидел бы его. Да разве это что-то доказывает? Ни один человек не сможет увидеть его просто так. Но это ни о чем не говорит. Все самые важные вещи в жизни остаются большей частью не увиденными людьми. Ну, к примеру, как танцуют эльфы на лужайке.

А все же и они есть.

Осмыслить и понять все чудеса жизни, не говоря уже о том, чтобы увидеть их, — это не под силу даже самому умному человеку на Земле.

Даже из того, на что ты смотришь, ты видишь не все. В поисках изумительной красоты фигур ты можешь разломать свой калейдоскоп. Но ты найдешь всего лишь осколки цветного стекла и ничего больше. Почему? Да потому, что весь мир окутан завесой таинственности и разорвать ее не может никакая сила. Только вера, любовь и поэзия могут приоткрыть ее. Вот тогда-то и можно осознать всю красоту и прелесть жизни. «А правда ли это?» — спросишь ты меня. Нет ничего правдивее и постояннее на всем белом свете, Вирджиния.

Дед Мороз живет и будет жить вечно. И через сотни тысяч лет он будет жить, чтобы наполнять сердца всех добрых людей и таких детей, как ты, радостью.

Счастливого Нового года, Вирджиния, твой Фрэнсис Черч».

PS.. Вирджиния О'Хэнлон и Фрэнсис Черч обменялись письмами в 1897 году. В течение почти 50 лет, вплоть до 1950 года, когда газета «Сан» перестала выходить, перед наступлением Нового года оба письма публиковались на первой полосе газеты.

Перевела с немецкого С. КАВТАРАДЗЕ

Маленькая девочка из Нью-Йорка по имени Вирджиния О'Хэнлон очень хотела знать, есть ли на свете Дед Мороз. А потому она взяла и написала письмо в газету «Сан».

«Мне восемь лет. Многие мои друзья говорят, что никакого Деда Мороза нет. Мой папа уверяет, что все, о чем пишет газета «Сан», всегда правда. Пожалуйста, скажите мне, есть ли Дед Мороз.

Вирджиния О'Хэнлон».

Главному редактору дело показалось настолько серьезным, что он сам ответил девочке на первой полосе газеты.

«Вирджиния!

Твои маленькие друзья не совсем правы. Получается, что они верят только в существование того, что могут увидеть. По их мнению, на свете не может быть того, чего они не могут понять своим малым духом. Да, человеческий дух мал, заключен ли он во взрослом человеке или ребенке. В мировом пространстве он теряется, как крошечное насекомое. Наше муравьиное сознание не в силах познать и осмыслить всю истину.

Да, Вирджиния, Дед Мороз существует. И это так же точно, как и то, что в мире есть любовь, великодушие и вер-

РОВЕСНИК

DOLPH LUNDGREN

ЛИМОНАДНЫЙ ДОЛЬФ

Дольф Лундгрэн отвечает на расспросы репортеров, как правило, обстоятельно, стараясь подробностями своей жизни убедить в серьезности взглядов и намерений. И относится к себе, судя по всему, с большим юмором — чего, впрочем, не скажешь о его экранных героях. Это все парни мускулистые да мрачные. Так вот, о собственных мускулах Лундгрэн говорит следующее: «Ну что мне было с собой делать, если Господь наградил меня таким телом? Только сниматься в кино. Это, друг, как если бы тебе дали лимон. Что с ним делать? Выжать и получить лимонад».

Правда, рассматривать карьеру Лундгрэна как нечто дарованное ему свыше, было бы легкомысленно. Он родился 32 года назад в Стокгольме в семье... двух академиков (и отец и мать — члены Шведской академии наук). В 15 лет стал обладателем черного пояса в карате, в шестнадцать довольно успешно играл в рок-группе на ударных и тромбоне, в двадцать — европейский чемпион по кик-боксу.

В двадцать один попал в разряд дорогостоящих фотомоделей, в двадцать два защитил диплом инженера-химика, а в двадцать три снялся в своем первом фильме. Это был

один из «бондовских» боевиков «Вид на убийство». Лундгрэн попал на съемочную площадку совершенно случайно: он дружил тогда со знаменитой манекенщицей, актрисой и певицей Грейс Джонс, которая снималась в этом фильме, она взяла его с собой на работу, и Лундгрэну позволили на 20 секунд появиться в кадре с автоматом в руках.

С того и началось: зловещий русский боксер Иван Драго в «Роки IV», «Хозяева Вселенной», «Красный скорпион», «Палач», «Прикрытие», «Черный ангел», «Ордер», «Универсальный солдат», где он работал вместе с Ван Даммом, — короче, универсальный набор для рослого и мускулистого.

Безусловно, Лундгрэн мечтает изменить амплу — «Я уже выжал из мускулов все, что мог». Вот Сталлоне — снялся в двух комедиях, Ван Дамм к тому приближается, да и Лундгрэн не прочь попробовать себя «хотя бы в роли неудачника». Что же касается классической мечты всех актеров сыграть Гамлета, то Лундгрэн хочет сыграть не Гамлета, а Марка Антония: «Потому что он перед тем, как отрубить кому-нибудь голову, читает стихи».

П. ВАГИНА

GLADIATOR

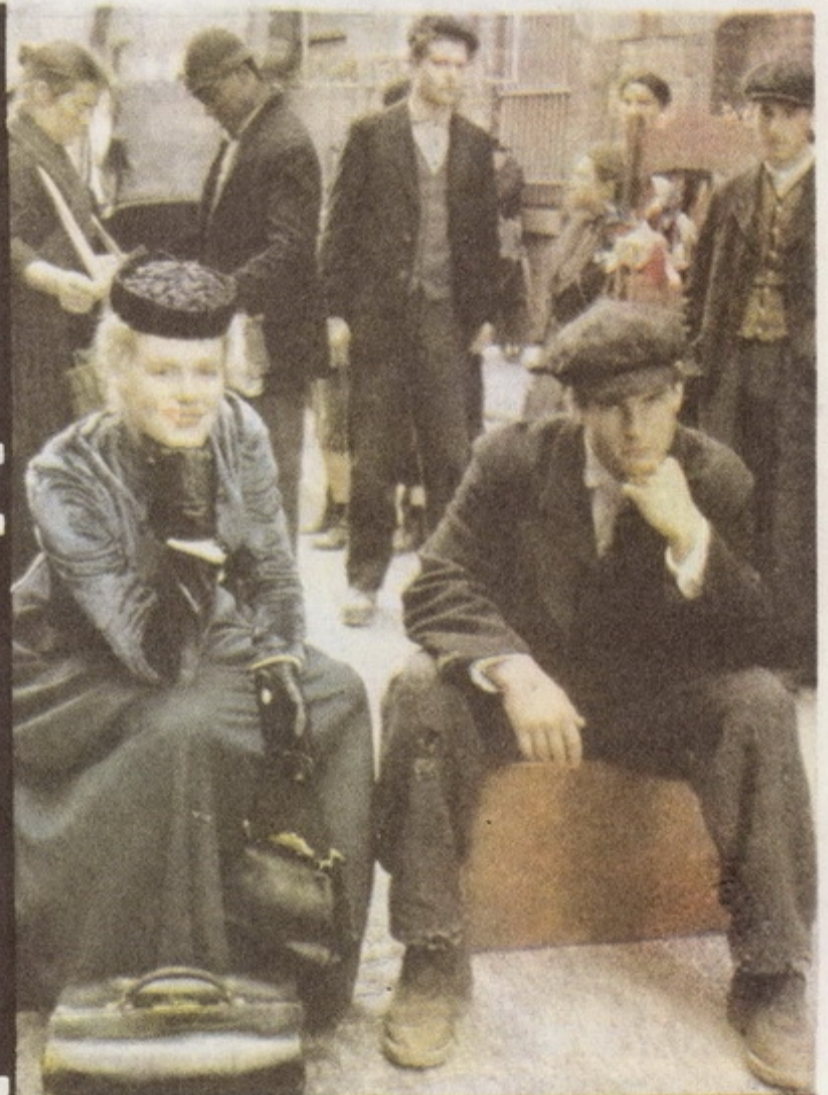
США. 1992 г. 1 ч. 41 мин. Реж. Рауди Херрингтон. В ролях: Джеймс Маршалл (Томми Райли), Куба Гудинг-мл. (Линкольн), Брайан Деннехи (Джимми Хорн), Роберт Лоджа (Пэппи Джек), Осси Дэвис, Кара Буоно и др.

Молодой парень Томми Райли и его отец, игрок-неудачник, больше не могут позволить себе жить в приличном пригороде и переезжают в чинагские трущобы, где молодые парни, «уличные бойцы», участвуют в нелегальных боксерских поединках. Томми, решивший выплатить отцовские долги, присоединяется к этому подпольному бизнесу, но он единственный белый боксер в районе, населенном преимущественно чернокожими и выходцами из латиноамериканских стран. Чем и пользуется нечистоплотный организатор поединков Джимми Хорн. Он пытается сравнить Томми с его другом, чернокожим парнем Линкольном, и толкает их на смертельный бой на ринге. Эта достаточно традиционная лента выигрывает благодаря прекрасным работам молодых актеров Джеймса Маршалла и Кубы Гудинга-младшего.

ГЛАДИАТОР

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

FAR AND AWAY

США. 1992 г. 2 ч. 20 мин. Реж. Рон Хауард. В ролях: Том Круз (Джозеф Донелли), Николь Кидман (Шэннон Кристи), Томас Гибсон, Роберт Проски, Барбара Бэбнок, Сирил Ньюсак и др.

Это — «медовый» фильм для недавно сочетавшихся браком звезд американского экрана Николь Кидман и Тома Круза, а также большая радость для любителей мелодрам. Потому что дуэлей, похищений, слез и поцелуев в этом фильме хоть отбавляй. Вообще же по задумке «Далеко-далеко» — историческая драма, случившаяся в девяностых годах прошлого столетия. Бедный парень Джозеф Донелли и богатая девушка Шэннон Кристи убегают от социальных несправедливостей родной Ирландии в далекую и манящую новыми землями Америку. Их преследуют родители и жених девушки, но, вопреки всему, они обретают здесь справедливость, новое счастье и свою собственную землю (впрочем, незадолго до того отнятую американским правительством у индейцев).

BATMAN RETURNS

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЭТМЕНА

США. 1992 г. Реж. Тим Бертон. В ролях: Майкл Китон (Брюс Уэйн-Бэтмен), Дэнни Де Вито (Пингвин-Освальд Кобблпот), Мишель Пфейффер (Женщина-кошка-Селина Кайл), Кристофер Уолкен (Манс Шрек) и др.

Молодой режиссер Тим Бертон, снявший такие ставшие культовыми фильмы, как «Жучиный сон» и «Эдвард – руки-ножницы», возвращается к герою, прославившему его в 1989 году, журналисту-супермену Брюсу Уэйну, он же – Бэтмен.

Однако теперь Бэтмену противостоит новая компания злодеев, которых также играют превосходные антеры – Мишель Пфейффер и Дэнни Де Вито (если помните, в прошлом «Бэтмене» с героем сражался сам Джек Николсон). Ну а вся великолепно снятая потасовка «в комиксовом стиле» затеяна ради того, чтобы не допустить злодея в кресло мэра города Готем.

США. 1992 г. 1 ч. 52 мин. Реж. Эррол Моррис. В ролях: Лу Даймонд Филлипс (Джим Чи), Гэри Фармер, Джон Карлин и др.

«Черным ветром» называют индейцы племени навахо злые силы, которые могут овладеть душой человеческой. И с таким «черным ветром» в своей душе и в душах соплеменников борется молодой полицейский резервации навахо Джим Чи. Он еще недостаточно опытен для расследования серьезных дел, поэтому руководство поручает ему разобраться в странном акте вандализма, совершенном против... ветряна, дающего племени электричество. Джим Чи устраивает ночную засаду, чтобы поймать хулиганов, и случайно становится свидетелем авианатастрофы и хладнокровного убийства одного из выживших в этой катастрофе. Джим расследует убийство и обнаруживает, что жизнь в родной резервации куда сложнее и трагичнее, чем кажется поверхностному наблюдателю.

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР

THE DARK WIND

MEMOIRS OF AN INVISIBLE MAN

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА-
НЕВИДИМКИ**

США. 1992 г. 1 ч. 39 мин. Реж. Джон Карпентер. В ролях: Чев Чейз (Ник Хэллоуэй), Дэрил Ханна (Элис Марлоу), Сэм Нейл (Дэвид Дженкинс), Майкл Маккин, Стивен Тоболовски и др.

Известный мастер «ужасиков» Джон Карпентер снял на этот раз комедию – современную версию уэллсовского «Человена-невидимки».

Живет себе припеваючи рядовой брокер Ник Хэллоуэй, добивается скромных успехов и довольствуется мирными радостями. Как вдруг становится жертвой утечки радиации, которая делает его... невидимым. И жизнь его, естественно, превращается в ад, хотя в финансовом отношении кажется совершенно райской – он-то теперь имеет неограниченный доступ ко всем денежным источникам. Да и любовные отношения, как вы сами понимаете, становятся несильно затруднительными. Но все, как и положено в комедии, кончается благополучно.